

Тот самый треск

Марина Семенова

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Марина Семенова

Тот самый треск

<https://litres.ru/73362268>

SelfPub; 2026

Аннотация

Неудавшийся отдых на турбазе под Казанью обернулся внезапной поездкой. Автостопом. Такой вид путешествия я выбрала совершенно случайно. И, как часто бывает, именно эта случайность потрясла стабильность, от которой я бежала.

"Тот самый треск" - это звук рушащихся шаблонов о романтике автостопа и стереотипов о хамстве дальнобойщиков. Это житейские мелочи, которые мы порой не ценим, редкие моменты осмысленной тишины и невероятные пейзажи. Но так же внезапно треснет и желание путешествовать дальше.

Я расскажу вам о своём пути через подтекст, описания и диалоги, чтобы вы не заскучали от фактов. Разрешите себе пофантазировать в реальном путешествии по дорогам юго-восточной России вместе со мной - автором и главным персонажем этой повести.

Содержание

Глава 11. Обычный Like	4
Глава 12. Транзит без чёткого маршрута	13
Глава 13. ДНК города	23
Глава 1. Где же ты, Серёга?	31
Глава 2. Вот и познакомились	35
Глава 3. Урок на обочине	42
Глава 4. Придорожный душ	49
Глава 5. Прощальная ночь	55
Глава 6. За поворотом	63
Глава 7. Первый прецедент	69
Глава 8. Ани	77
Глава 9. «Таганка, все ночи, полные огня...»	85
Глава 10. Всё как и везде	95
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Марина Семенова

Тот самый треск

Глава 11. Обычный Like

Я надавила на кнопку домофона. Из динамика раздалась тревожная трель, протяжный писк и дверь с неохотой распахнулась. В помещении на тело налипла тяжёлая сырость с запахом подвала. Вдоль стены, покрытой конденсатом, линейкой выстроились резиновые сланцы разных цветов и размеров, а над ними висели шкафчики. Справа из темноты слышался звонкий девичий голос:

Здравствуйте! Вы бронировали?

Здравствуйте. Да, вчера вечером писала. Марина Семёнова.

Я практически пропела эту фразу на лёгком выдохе, пытаясь отвлечься от обстановки. Девушка представилась Ириной. Клацая ноготками, вбила данные моего паспорта и выдала ключ от шкафа в номере.

В этой комнате вы будете жить. — Она открыла белую хлипкую дверь. — Ваша кровать на нижнем ярусе у окна.

Его можно зашторить. Рюкзак убирайте в этот шкаф. — Она показала на узкий металлический ящик, который вот-вот развалится.

А ключ к нему точно индивидуальный? — спросила я, глядя на этот серый гроб.

Ваши вещи никто не тронет. Пойдёмте дальше.

Ирина напряжённо улыбалась и деловито продолжала:

...здесь стиральная машинка. Когда понадобится порошок, спросите у меня. А теперь располагайтесь. Я у стойки.

Ирина, если я сейчас постираю вещи, они до завтра высохнут?

Она нахмурила брови и посмотрела куда-то вниз, как будто искала ответ на полу: «*Секунду!*» Я провела ладонью по лицу и ушла раскладывать вещи. Через несколько минут Ирина привела молодого мужчину.

Добрый день. Сергей. — Он приветственно протянул руку. *# Через час я привезу теплопушку, а вы за это время постирайте, пожалуйста, вещи. К утру они высохнут. Утюг у нас есть.*

На моё «Спасибо» он одобрительно улыбнулся и, повернувшись к Ирине, зашептал, сопровождая слова активными жестами:

— Ещё раз повторяю: забудь слова «нет» и «не знаю». Улыбайся! Говори, что сейчас решишь вопрос. Не проблему, Ирина, а вопрос! Наш хостел называется Like!

Сергей чеканил слова, явно наслаждаясь ролью гуру сервеса в этом подземелье. Администратор покрылась красными пятнами и что-то пробормотала менеджеру, глядя на шахматный кафель.

Не расстраивайся, ты научишься, — бросил он напоследок и скрылся за дверью.

В тишине Ирина сверкнула взглядом, и теперь запылали мои щёки. Теребя акриловые ногти, я выпалила:

Извините, это вышло случайно. Обычно я не подслушиваю чужие разговоры.

В ту минуту серые глаза напоминали мартовский лёд:

Всё хорошо. Я буду за стойкой регистрации. Сергей скоро придет. Стиральный порошок стоит тридцать рублей за ложку.

Раздражённо выдохнув, я схватилась за лоб и ускользну-

ла в комнату. Однако стыд перед Ириной рассеял другой звук — треск рюкзака. Мой бедный друг был забит неравномерно, поэтому в некоторых частях закрывался особенно туго. Ткань и не выдержала. Ремнабор не поможет: материал чересчур тонкий — игла разрушит нитяные соединения. Я осторожно раскрыла молнию, придерживая подкладку, и достала грязную одежду. Через несколько минут в барабане зашелестели три хлопковые футболки и штаны, а я пошла в душ.

В маленькой комнате с кафелем персикового оттенка я быстро скинула одежду и зашла в кабину. Плотный слой грязи стремительно растворялся под мощными жгучими струями. Однако к потоку из лейки добавились ручьи слёз: обнажённая кожа, местами съеденная трением, испытывала мою стойкость. Постепенно мышцы перестали дребезжать, а после того, как ароматное мыло высвободило каждую клеточку и шампунь очистил волосы, я усилила напор ледяной воды. Холод немного успокоил раны: из кабины вышла новая Марина — на пару сотен граммов легче. Машинка продолжала стучать, а я, расправив плечи, прошла в комнату.

В комнате за шторками из простыней прятались постояльцы. Я последовала их примеру, переодевшись в нестандартном пространстве. Как только застегнула шорты, в дверь постучали.

Это ваши вещи постирались? — Хвастаясь белоснежными винирами, спросил Сергей. — Я теплопушку привёз. Даже две!

Из коридора страдальчески пищала спасительница моих вещей. Я побежала её выключать, выкрикивая на ходу:

Да-да, мои. Сейчас я быстренько их развею.

Через десять минут вещи ровным строем висели на перекладинах.

Куда направить поток? # Сергей возился с обогревателями, как с ценными экспонатами.

Давайте, одну поставим так, чтобы поддувало снизу, а вторую # сбоку?

Давайте так. А на ночь можно будет поменять или бельё перевесить. Да?

Он смотрел не вопросительно — он уже решил, что так и будет. Его деловитость умиляла.

Так и сделаем. За эту услугу нужно доплачивать?

Что вы! Пусть это будет небольшой all-inclusive.

Наш синхронный смех отразился от стен с дешёвыми картинами, изображавших неуместную розовую сакуру, и мы разошлись. Я схватила нагрудную сумку и ушла в магазин.

Первым делом в кофейню! Горький американо вприкуску с шоколадкой — он дал столько сил, сколько у меня не было с утра. Оттуда я направилась в местный парк. Однако редкие возгласы сквозь разномастный хохот оказались чрезмерно вульгарными. На улицах то же: по обычным тротуарам сновали обычные люди, площадки гудели детскими голосами, трафик замедлялся вместе с закатным солнцем. Даже люди с наступлением сумерек становились добрее. А может, более уставшими? Или днём их смущал мой «туристический» вид? Между собой они общались нормально, никто ни с кем не ругался. Эту особенность я пыталась осмыслить, сидя на лавочке, пока с щиколоток сходил отёк. Пусть тольяттинские тайны остаются тайнами.

С водохранилища запевал ветер, но индустриальный шум всё-таки побеждал, позволяя вольному братцу только колыхать объявления на остановках. Но этот непослушник всё-таки донёс едва уловимый аромат жареного мяса. Пора в магазин и готовить ужин. Мой говорливый желудок одобрительно муркнул, и мы отправились в привычный «Магнит». Те

же цены и полки, разве что среди знакомых этикеток мелькают местные бренды. Но ужинала я в тот вечер без изысков — рыбные тефтели с макаронами и, конечно же, десерт из детства, но уже другой — печенье «Земляничное». Может, помните, оно было в прямоугольных пачках: сначала завернуто в белый пергамент, а сверху обернуто красочной упаковкой? У хрустящего печенья ягодный запах и приторный вкус, который возвращает лишь памятные осколки. Хотя нет, «Земляничное» уже не то: вертя крошащийся квадратик, я поняла, что целостной картины из него не сложить. Это был просто ужин. Просто в одном из атомов России.

Темнело. Первые фонари здоровались тёплым светом, а комары, мать их налево, мерзким жужжанием путались в человеческих голосах. К сожалению, эта живность уж больно любит меня — каждый укус превращается в двухсантиметровое пунцовое пятно! А в детстве я вовсе была похожа на крокодила из-за того, что мама покрывала каждое пятнышко зелёной. Больше я так не хотела. Поэтому, сильнее ухватив шуршащий пакет, заторопилась в хостел.

Дверь распахнулась на удивление легко и резко оборвала комариный хор. Во влажном коридоре гудели теплопушки под сушилкой, разбавляя сырой воздух запахом раскаленного металла, а из кухни слышалось скворчание котлет. Пока я летела в комнату, мозг вырисовывал на языке вкус моего

ужина: я чертовски люблю рыбу в любом виде! Справа за столом ели две девушки.

Приятного аппетита.

Спасибо, — устало пробормотала одна и кивнула вторая.

Если днём я только и говорила, то почти весь вечер отдыхала от бесед. Учитывая, что дальнобойщикам нужны активные попутчики, такое положение вещей сыграло мне на руку.

К моему приходу кухня опустела. Отварив макароны, я вскрыла банку с рыбными тефтелями. Жестянка звонко хлопнула, и из неё выстрелил прогорклый запах шпротного паштета. Консистенция и цвет тоже не отличались. Однако вкус... Густая слюна неприятным комом встала в горле, и мне захотелось выпить чего-то ледяного. Под рукой оказался только кран с хлористой водой. Даже не читая состава консервов, я поняла, что там была мука, рыбные косточки, глазки, кусочки филе и очень много специй. Всё это, наверняка, долго вываривали — до мягкости, взбивали и в банку — шлёп! Ну что же, углеводы так углеводы. Я тяжело выдохнула, дожевывая последнюю макаронину, и шлифанула ужин ромашковым чаем вприкуску с «Земляничным». Посуда помыта. Я в комнату.

На приземистой кровати лежал матрас, сквозь который прощупывался решётчатый рельеф. «И не на таком спали. Да, Серёжка? — с теплом вспомнила я своего наставника-дальнобойщика. — Ты бы точно оценил этот ортопедический шедевр». Хмыкнув, я улыбнулась своим мыслям, расстелила постель и отправилась в вечерний душ. Прохладная вода умалила зуд от укусов, а пока я разминала шею под тёплыми струями, в такт ранам заныла злая тоска. Почему? Почему, друзья мои, я не уберегла свой рюкзак? Почему не проверила перед дорогой? От этих мыслей кровь запульсировала в каждой клетке, в каждом атоме...

Простояв так ещё минуту, я обернулась в тонкий халат. По пути в спальню остановилась на кухне, чтобы выпить ещё одну чашку чая и созвониться с мамой и сестрёнкой. Обычный чай, обычный разговор обычным вечером в обычном городе.

В спальне было не менее душно. Ночь обещали холодную.

Глава 12. Транзит без чёткого маршрута

Я долго ворочалась, то кутаясь от сквозняка из оконных щелей, то раскрываясь от духоты теплопушек. Моим единственным союзником в битве за сон стал выключенный будильник. Ночь прошла без снов.

С закрытыми глазами я нащупала телефон — половина одиннадцатого, уведомлений нет. Хостел за шторкой-простыней напоминал вокзал: чайник заменял тепловоз, стравливающий пар, грохот посуды — путейцев, которые выстукивают рельсы, а гомон толпы... а гомон толпы всегда одинаковый. Выдохнув остатки сна, я распрямилась, и плечи хлестануло огнём. Из угла шершавые лямки рюкзака шикнули от моего содрогания. За недалёковидность надо платить. Одеться и в душ.

Пенки-умывалки, пролежавшие всю ночь на подоконнике, были бессовестным образом оскорблены автомобильным рыком, который врывается в приоткрытое окно. Я сгребла набор в охапку и вынырнула из комнаты. Коридорный воздух от ТЭНов завис сухим облаком, царапая горло и ноздри.

— *Доброе утро.* — Сменщица Ирины улыбалась, стоя солдатиком.

— *Здравствуйте.*

Я прищурила заспанные глаза и прикрыла рот пальцем. Надеюсь, эта девушка с розовыми волосами не сочтёт мой жест невоспитанностью.

— *Меня зовут Ольга. Я администратор.* — Несмотря на показную «корпоративность», в кофейных глазах этой девицы плясали чертята. — *Сергей Игоревич сказал, что вы переживаете за свои вещи, но я их перевернула.*

— *Благодарю.* — И, покосившись на сушилку, я прохрипела: «*А то я разоспалась. Дорога, жара... Сами понимаете.*»

— *Если что-то понадобится, я на ресепшене.*

Воистину доброе утро. Под монотонный рокот обогревателей я скрылась в душевой. Вентили скрипнули, и на меня обрушился тёплый водопад. Плечи не оценили излюбленный утренний ритуал: сотни, нет тысячи, колючек врѣзались в садины острыми струями. Я безымянным пальцем поглаживала раны и поддувала на них, шепча выдуманные фразы.

зы. Хотелось бы сказать, что кожа мигом обновилась, но нет. Полотенце осталось сухим. По кафелю телесного цвета стекали бодрые струи.

Сначала ковыль с арматурой, потом загаженная «Поликлиника», «Земляничное» не то, а теперь и душ... Промышленность, мать её.

«Я на тебе как на войне, а на войне как на тебе, но я устал, окончен...Тсссс» — я шёпотом вспоминала песню Агаты Кристи и в забытии кинула на плечи полотенце. Мой рюкзачок, мой боевой раненый друг, как же я тебя понесу?

Поздоровавшись кивком с постояльцами, я приблизилась к сушилке. Швы одежды были влажными. Утюг. У ресепшена ворожил гераниево-бергамотовый букет. Он идеально резонировал с Ольгой.

— *Ольга, мне всё-таки понадобится утюг. Одежда всё ещё влажная,* — театрально опустив уголки губ, обратилась я.

— *Конечно-конечно!* — Она спряталась за стойкой. — *Где же он...* — Девушка по-хозяйски зашуршала бумагами, коробками. — *Держите!* — Администратор выпорхнула, неуклюже откидывая чёлку, и пропела: «*Гладильная доска*

около сушилки.»

Я выдавила тактичное «Поняла. Спасибо»: в уютге, который весом напоминал игрушку, плескалась мутная вода. Пришлось опустошить резервуар и раскалить сие устройство. Запах нагревающегося уютга прекрасно гармонировал с запахом остывающих обогревателей. «Ирония, чтоб её!» — пробормотала я, приложив ладонь ко лбу, проверила чистоту подошвы уютга и начала гладить. Да ты же мой древний артефакт, высушил каждый шов!

Услышав моё обращение к уютгу, Ольга рассмеялась:

— Этот старичок знает своё дело!

— Точно! — бережно сложив вещи, воскликнула я и улизнула в комнату.

Обнажившись до пояса за шторкой-простынёй в своём тесном пространстве за семьсот рублей в сутки, я аккуратно укомплектовывала рюкзак, пока мазь пропитывала раны. Треснутая молния позволяла скрыть содержимое, но одно резкое движение и она лопнет. Выхода нет. Хотя есть — эта хлипкая дверь, за которой ждёт завтрак. Время — двенадцать десять.

На кухню я пошла полностью собранной: сдала бельё и оставила только печенье к чаю. В холле дорогу преградил Сергей, одержимый демоном провинциального менеджмента:

— *Хорошо отдохнули? Вам у нас понравилось?*

— *Давно так не спала. Даже снов не видела.* — Я сплела пальцы, отвечая такой же улыбкой. — *Ваши теплушки и уют — просто палочки-выручалочки.*

— *Всё для гостей!* — Он торжественно развёл руки. — *Я рад, что ваши вещи высохли. Оля провела вам экскурсию по нашему замечательному хостелу?* — Он доставал и протягивал книги и коробки с полок. — *У нас есть книги про историю АвтоВАЗа, настолки, карта достопримечательностей...*

Я выставила перед собой ладони:

— *Сергей, Сергей, остановитесь. Я сама всё посмотрю. Спасибо большое.*

Хотелось добавить «Да угомонись ты, бесятина эдакая!», но воспитание таки, сами понимаете.

— *Извините-извините.* — Он продолжал улыбаться и,

скрипнув кроссовком, подался назад. — *Если что-то понадобится, Оля вам поможет. А теперь мне пора. До свидания!*

Да неужели! Мысленно чертыхнувшись, я заметила, как Ольга игриво пожала плечами. Ответив тем же, я отправилась пить чай с «Земляничным».

Чашка грела ладони, пока я разглядывала корешки разнокалиберных книг. Левее висела карта России, истыканная иголками-флажками, которые мельтешили в названиях городов. Я всадила свободную иголочку в разбитое отверстие рядом с названием «Оренбург». Видимо, жители пограничья часто бывают в этом «замечательном хостеле».

Ольга распахнула окно вверху стены. Птицы защebetали о сухом тепле, а ветер выманивал меня, впуская в сырое помещение аромат свежемолотых зёрен. Пора.

Помыв кружку, я взяла рюкзак как сумку и отдала ключи Ольге:

— *До свидания. Спасибо за тёплый приём. Я ещё что-то должна?*

— *Так скоро!* — наигранно прочиркала она. — *Сейчас посмотрю.*

Агакая на каждый щелчок мыши, Ольга сказала, что я ничего не должна и они будут рады меня видеть снова. После дежурной улыбки я вышла в свет через тот же перфоратор.

Кофейня? Нет. Только проторённый «Горсад», тринадцатая маршрутка, меченная «Поликлиника» и трасса. Но уже на Самару.

Пять лет назад я спускалась от Алабинской к набережной Волги, чтобы проводить рейсовые теплоходы, и мечтала стать самарчанкой. Теперь же Самара со своим хвалёным вокзалом для меня только транзитный город. Впрочем, как и остановка «Горсад».

На миг меня оглушил сигнал ВАЗовской легковушки. Она пролетела, оставив на асфальте чёрные полосы, а я отшатнулась, вцепившись в рюкзак. Водитель явно матерился, когда увидел женщину, которая мечтательно вышагивала на красный свет. В голове немедленно зазвучал «Мудак!» Сергея. На тот момент муذاком была я. Мерзкая испарина усеяла спину. А как там поживает мой первый дальнбойщик? Да, запишу его «Мой первый».

Наверное, вы подумаете, что я пропустила пару абзацев, но нет: дзен был близок, а ситуация отдана на распоряжение

судьбе. Я достала телефон и открыла Whats'App:

Я: Привет, Серёж! Как ты? Где едешь?

Сергей: Какие люди! Батайск проехал. Ты как? До Тольятти доехала?

Я: Уже в Самару отправляюсь. Здесь мне не понравилось.

Сергей: А что так?

Я: На карте и в инете достопримечательности описаны красочно. А на самом деле люди злые. Вчера так вообще нарвалась на преследователя. А сегодня была тем же мудаком, как и тот, из-за которого мы чуть в аварию не попали.

Сергей: Ты голосовала средь дороги?!

Я: Не, я в городе шла на остановку, задумалась и не заметила, как загорелся красный. Но главное, что жива осталась.

Сергей: Голову включай, хоть иногда, если домой возвратиться хочешь. Из Самары знаешь, как до дома ехать?

Я: Ну не кипятись. Хотя мне приятно. А в каком смысле знаю ли, как доехать из Самары? Я планирую приехать туда, заселиться в хостел, погулять, а вечером решу куда дальше. Что не так?

Сергей: Ты домой не собираешься? У тебя рюкзак порвётся по дороге. Полюбас это он трещал. Он забит донельзя. Перед автостопом подготовиться надо, маршрут чёткий продумать.

Я: Да мне надоел этот график. Хочу наконец-то чего-то эдакого.

Сергей: Автостоп, дальнобойщики и дорога — это ни хрена не эдакое, очнись. Мой тебе совет, ехай домой прямо сейчас. На автобусе, на поезде. Только не автостопом.

Я: Серёж, большое спасибо за советы, за старт. Я пойду. Тем более телефон садится. Ни гвоздя, ни жезла.

Сергей: Спасибо. Аккуратней там. Врёшь ведь. Всё равно автостопом поедешь.

«Чёткий маршрут...» — бубнила я, убирая подальше телефон. Можно подумать, он живёт по графику. И без того каждый день, как предыдущий: встала по звонку будильника, умылась холодной водой, одинаково позавтракала, поработала. Уже и спать пора. Только котофей Рыжик спасал мерным мурчанием и массажем ангельских лапок. Да что там, и любимец мой «ушёл на радугу» полтора года назад. Теперь ещё и в свободном путешествии я должна следовать гаджетам, картам и слушать всяких дальнобойщиков.

Успокаивая внутреннего свободолюбивца, я чеканила каждый шаг и, по-моему, бунтовала шёпотом, ведь предстоит очередная порция недовольства рюкзаком. Ну хотя бы местное транспортное предприятие работает по часам: маршрутка вновь подъехала быстро. Однако сегодня то ли Меркурий двигался по своей оси, то ли народ за ночь подобрел, но мне никто ничего не сказал. Зато при мысли о чётком маршруте у меня начинала зудеть шея. Чтоб этого Се-

рёжку! Всю дорогу я сидела, как пружина, пока не сошла на шоссейную остановку.

На мосту, который пролегал над автодорогой, сновали жители вчерашнего пригородного района. Мою же макушку припекало солнце. Наступил выход банданы. *«А есть ли режим у этого беркута, который вольно рассекает облака? Должен ли он вернуться в гнездо к вечеру? И по одному ли маршруту он летает?»* — пока я рассуждала о графике пернатых, завязывая последний узелок и задрав голову, солнце резануло глаза, выключив свет. Чтоб её, эту ядерную звезду! С другой стороны, у меня есть стабильная зарплата, любимая работа, хоть и монотонная. К чёрту эти мысли! Слившись с тольяттинцами на мосту, я вернулась в мир электронных карт.

Время — два часа дня.

Глава 13. ДНК города

Проложить чёткий маршрут не позволила безжалостная жажда кофе. Вдоль трассы его продавали только на заправке. Я прошла по ПГС, которая усеивала дорогу до площадки с надписью ТНПС: четыре колонки и операторская из серых панелей. Вновь о моём прибытии залиvisto доложил «ветерок», и из-за кассы высунулась девушка в синем фартуке.

— *Здравствуйте. У вас есть кофе? Желательно растворимый.*

— *Только варим.*

— *Тогда, будьте добры, один американо. Сколько он стоит?*

Девушка кивнула на кофейный автомат:

— *Вон аппарат: сами выбирайте, картой оплачивайте. Стаканчики, крышки, палочки для размешивания там же. Сиропы и топинги бесплатно.*

Я, конечно, всегда ценила горечь, но почему бы и не поэкспериментировать. Выбор пал на ванильный топинг. Чтобы ускорить женитьбу сиропа и кофе, я размешала его де-

ревянной палочкой и отхлебнула. Сладко-химозно. Всё-таки любимый американо «без всего», гораздо лучше. Поэтому я оставила ванильное недоразумение в операторской и ушла с новым горьким кофе. Тарахтение холодильников сменилось за дверью шумом брызг из соседней автомойки и летним теплом.

На лавочке с отлетающими хлопьями краски я допила кофе и пошла к местным степям. За полупрозрачной стеной из сосен ютились микрорайоны с загородными домами. Жители разглядывали меня, проезжавшие мимо предлагали подвезти, но я, фальшиво улыбаясь, отнекивалась. Почему фальшиво? В такую жару редкий человек будет добровольно моционить под палящим солнцем. У меня же не было выхода. Нащёлкав местные пейзажи, которые до сих пор напоминают о Серёге, дяде Валере и Викторе Сергеевиче, я открыла карты.

Google пошутил и привёл меня на магистраль, огороженную отбойниками. Твою же Люсю! Для пешеходов здесь только V-образный бетонный овраг. Из-за бутылок и бумажного мусора, который валялся вдоль жёлоба, там было невероятно душно. Чтобы освежиться, я умылась из бутылки, и когда резервы энергии включились на полную мощь, на цыпочках пошла вперёд.

Через двадцать минут отбойник закончился. Я выползла из оврага в карман, оцарапав ладони, как в детстве. Выдохнула и посмотрела на дорогу: в послеобеденном мареве машины дрожали фантомами. О том, что они настоящие, шептал только ветер, хлеставший по щекам, когда мимо пронеслись грузовики.

«Ещё эта идиотская бандана! Все волосы спрели. Разве это маячок?» — я разъярённо сорвала с головы красочный платок и обвязала им запястье. Влажные волосы высохли быстро. Навстречу ехала фура. Водитель отреагировал на мой жест «палец вверх» громоподобным сигналом и равнодушно исчез за горизонтом. Время — двадцать минут четвёртого.

Пока я считала шаги вдоль кармана, позади сухо зашелестел гравий. По звуку — седан. Обернулась — АвтоВАЗовская «шестёрка» времён Союза. Коррозийный кружевной низ поразительно сочетался со смоляными протекторами.

— *Вам куда?* — Лысеющий пенсионер бегло оглянулся, поправляя ворот рубашки.

— *В Самару.*

— *Мне туда же! Садитесь.*

Он просканировал меня от пят до макушки, пока открывал дверцу. После характерного щелчка я уселась на дерматиновое кресло. Шею тут же защекотали мураши: на спинке сиденья висел деревянный роликовый массажёр. Водитель, довольно улыбаясь, вытер руки тряпичным платком и попросил пристегнуться:

— *Вы, верно, привыкли к инерционным, а здесь механика. Давайте помогу отрегулировать слабину.* — Он потянулся к ремню. — *Не считите за занудство, но кузов у шестой модели мягкий, пассивная безопасность основывается на фиксации.*

Я втянула живот и откинула плечи, а водитель стал уговаривать машину тронуться. Постукивая по рулю в жёсткой оплётке, он что-то пробубнил, и наконец «шестая модель» неохотно согласилась. На трассе «бежевая старушка» помчала нас в Самару на всех парах.

«Наверное, до сих пор слушает Юрия Лозу или какие-нибудь ВИА», — усмехнулась я мысленно.

— *Виктор Сергеевич. Протянул бы руку, но сами видите,* — иронизировал водитель, кивая на руль.

— *Марина. Ничего страшного.* — Я поддержала тон, глядя на его пятнистые от времени руки.

— *Откуда и каким ветром вас занесло в наши края, Марина?*

— *Из Оренбурга. Я путешествую автостопом.*

— *Понял. Ваши соратники часто голосуют, а я иногда подвожу. Только девушек, потому что драться не умею.*

— *А если у девушки оружие?*

— *Марина, я не фаталист, поэтому верю только в чётко выверенные схемы.* — Он упивался своей речью, анализируя меня взглядом. — *Если у девушки есть оружие, а я не заметил, значит, не хватило житейского опыта, который позволяет разбираться в людях. Я в восемьдесят седьмом возглавлял конструкторское бюро на АвтоВАЗе и в девяностые выжил.* — По лицу Виктора Сергеевича стекал пот, пока он смотрел в зеркало на удаляющийся Тольятти. — *И я могу понять, где девушка с «оружием», а где прислужник нувориша.*

Под пальцами на виске запульсировала вена. На секунду

я зажмурилась и ответила:

— *Вы жили в трудные времена, понимаю. К счастью, я тогда была ребёнком, и папа обеспечил нашей семье максимальный комфорт и безопасность. Но я выросла непослушной дочерью и взбалмошной женщиной. До Тольятти казалось, что меня всюду ждут, все мне рады. По крайней мере, в других городах было именно так.* — Виктор Сергеевич пытал меня взглядом, а я, теребя сломанный маникюр, отвернулась к пролетающим дачам. — *Эта наивность запечатлелась на моём лице. Поэтому вы и поняли, что моё «оружие» — это пыльный рюкзак и потная футболка.*

— *Принимаю.*

Домики, утопающие в зелени, облагораживали незатейливую дорогу. Мышцы на предплечье Виктора Сергеевича забегали, он же сверлил взглядом приближающиеся светофоры и первые магазины на фоне высоток.

— *Марина, я не вредный старик. В девяностые улыбка стоила дорого. Машины выкатывали из цехов не по накладным, а под стволами.* — Он немного помолчал, наверняка, вспоминая «стволы». — *Потом была спецоперация «Циклон». Тогда службы вычистили немало бандитов в Тольятти. А до этого — 120 миллионов в год,* — он щёлкнул паль-

цем по приборной панели, — столько завод «дарил» бандам. Долларов, Марина. Не рублей. В девяносто четвёртом мы на смену шли как в разведку: три трупа в день у проходной — это статистика, а не ЧП. Мы попросту учились смотреть в пол, чтобы глаз ни с кем не встретился, потому что за лишний взгляд тогда закапывали. Тот ужас из ДНК города не вычистишь...

Мурашки пробрались под кожу. Солнце скрылось за бесцветными облаками. Неожиданно захотелось маслянистый чебурек — на арену выходит животный инстинкт. Виктор Сергеевич безмолвно впился в руль.

*«Вот как... — размышляла я, поглаживая своё плечо. Мои интеллигентные круги с их лебезеньем и лицемерием померкли. — Думала, мне нахамили в автобусе, а оказалось, что приехала прямиком в **братскую могилу советского «светлого будущего».***

— *Послушаем музыку? Откройте, пожалуйста, бардачок.*

Виктор Сергеевич достал затёртую кассету и вставил в магнитола. Щелчок — и колонки манифестировали не Юрию Лозу. Led Zeppelin собственной персоной. Песня «The Song Remains the Same». Рекомендую посмотреть пе-

ревод. Дословный. Я не сдержалась и воскликнула «Уау!» и мигом осеклась «Извините». Виктор Сергеевич тихо посмеялся: «Лучше так». Сменились ещё четыре песни, инженер-конструктор рассказал, что сам проектировал модель ВАЗ-2106, а мой мир... Я хотела сбежать.

— *Приехали.* — Виктор Сергеевич остановился возле торгового центра, помог мне выйти и умчал на своём детище.

Я подняла рюкзак, и нить, удерживающая молнию, лопнула. Тольятти отцепись! Глаза намокли и, чтобы не размазать тушь, — да-да, я не изменяю себе и делаю макияж даже в путешествиях, — запрокинула голову, по театральному при-держивая слезинки.

Торговый комплекс Эль Рио хаотично шумел дверьми и разговорами, освежая уставших самарчан цитрусовыми ароматизаторами. Кстати, наверняка, на фудкорте продают вредные жирные чебуреки. «Что же, родимый, сегодня я тебя побалую. Неизменный Омез в аптечке», — мысленно положила я желудку и пошла к холодному гиганту.

Глава 1. Где же ты, Серёга?

15 июня 2022 год

А на что я рассчитывала? Какой-то незнакомый дальний бойщик: «Встретимся у складов на Мамадышском тракте». Где это, чёрт возьми?! Ещё вчера я планировала отдыхать в палатке на берегу Волги, а сейчас брожу по казанским складам в поисках мужчины. Всё из-за того, что в кемпинге не осталось мест. Причём забронированных за три дня.

В промзоне среди зданий, обшитых серым профлистом, жара вытягивает из асфальта эфирный запах от GSM и опилок, а шлифует реальность — мигрень, которая мгновенно постукала молоточком невролога в каждый висок.

— Где же носит этого Сергея? — шёпотом ругалась я.

Проехать семьсот километров, лишь бы разогнать однотонные ежебудни: работа — сон, сон — работа. Да, фриланс великолепен. Но он медленно съедает личное время, оставляя взамен только синее свечение ноутбука и прогулки по бесменным улицам. Здесь хотя бы мало-мальское разнообразие: в цехах мельтешат рабочие, слева по-черепашьи ползёт лесовоз. Так и представляю: визг тормозов, брёвна с грохотом летят на асфальт, пыль оседает на губах, а рот при-

открыт в безмолвном крике! Финита ля комедия! Покаталась Марина. Лучше на гравийную тропинку отойду. Отсюда дорога выглядит совсем иначе: сквозь трещины, пропитанные дизелем, растёт трава, а местами одуванчики стремятся к солнцу. И я великовозрастная девочка тридцати четырёх лет с современным гаджетом не могу найти человека, который находится в двух-трёх километрах от меня. Или вовсе за углом.

На экране смартфона блеснуло двадцать минут десятого. Сергей назначил встречу на половину девятого. Позвоню снова:

— Здравствуйте! Вы уже уехали? Я не могу вас найти!

— Да здесь я. Проблемы с грузом. Ты где идёшь?

— Слева — мебельный цех, справа — лавка со ржавой вывеской, сзади...

— Ясно. Сейчас в WhatsApp пришлю координаты. Иди по ним. Умеешь картой пользоваться?

— Сергей, ну неужели вы не поняли, что карта — мой неизменный спутник? Я ведь вчера вам рассказывала, как люблю одиночные походы. Алло?..

Ногти зазудели от желания вонзиться далеко не в ляжки рюкзака: последнюю фразу я, скрипя зубами, произнесла в пустоту, потому что этот высокомерный тип бросил трубку. А его расхлябистый тон! На форуме, где автостопщики ищут дальнобойщиков, о Сергее только положительные отзывы. Совершенно не удивлюсь, если они купленные.

Всему виной моя импульсивность и склонность искать «знаки». Выдернула вчера фразу из разговора пенсионерок «...любая поездка — это шанс получить новый опыт». А контекст какой? И почему этим опытом должен стать автостоп, а не прыжок с парашютом? А вечерний стендап Севы Ловкачева. Просто смех. Зачем надо было примерять на себя его шуточное сравнение Петербурга с трясинной — «Я за яркими впечатлениями приехала или ботинки изнашивать»? «Ботинки изнашивать»... Вообще-то, кроссовки, которыми истаптываю лабиринты мамадышских складов больше получаса. Похоже, надо мобильный тонометр покупать — возмущённое сердце уже прорывается на волю.

От самого въезда тянутся абсолютно одинаковые здания. Очередной ангар разевает пасть, она же ворота, шипя химическим дыханием. Из-за него в гортани запершило. После двух хищных глотков воды плечи осели под тяжестью набитого рюкзака.

Наконец WhatsApp пискнул и в чате высветилась локация: путь пролегает между складами-отравителями. Их стены безуспешно скрывают мужской смех и визг бензопил. К счастью, дизельные фракции планомерно растворяются в аромате светло-жёлтых опилок. Я выдохнула и зашагала бодрее.

Постепенно дорога сужается в тропку, шум ангаров отдаляется. Справа плавится от жары посеребрённый гараж, а слева массивный вяз расширяет проход, отодвигая сетку-рабицу. Всё стихло внезапно. Почему? Почему шуршание листьев стало громче гудящих цехов?

— Сергей остановился в пятидесяти метрах, за поворотом, — пролепетала я, отрываясь от виртуальной карты.

14 февраля 2026 год

Спустя четыре года — в две тысячи двадцать шестом — я понимаю, насколько эгоцентричным был мой нрав. Давайте-ка теперь расскажу о бесцеремонной «битве», которая длилась три дня, между наивной интеллигенткой и реальным миром. Там, за поворотом.

Глава 2. Вот и познакомились

15 июня 2022 год

Из-за гаража я вынырнула на бетонную площадку. Впереди, имитируя осиное гнездо, гудел склад, справа чернела дорога на выезд, левее красовался КамАЗ-пятитонник — мордастенький тягач с капотом американского типа. Я глубоко вздохнула, ведь представляла огромный грузовик, а не его младшего брата. Хотя позднее выяснится, что это был полезный опыт, даже подарок судьбы.

Рядом с машиной, размахивая рукой, по телефону спорил поджарый мужчина среднего роста:

— Он развалится в пути!.. Это не моя ответственность... Пока не пришлётся расписку, я никуда не поеду!.. Мне плевать!

Это Сергей. Точно. Отправив собеседника «подальше», он разъярённо сбросил вызов. В наэлектризованном воздухе кончики пальцев пронзил холодок: как, скажите, к нему подойти? «Здрасьте, я Марина, и я готова ехать»? Да он и меня пошлёт по тому же адресу. Может, ну его этот авто-стоп. В Казани ещё много интересных мест для экскурсий. Но как только я представила безликую толпу, выходящую

из двухэтажного автобуса вслед за гидом, который пересказывает информацию из Википедии, сомнения растаяли — к Сергею!

Выдохнув, дальнобойщик прислонился спиной к кабине и, запустив ладонь в чёрные вьющиеся волосы, принялся изучать документы. Я поправила бандану и широко шагнула вперёд:

— Здравствуйте. Я Марина. Еле вас отыскала.

— А я всё жду, когда подойдёшь. — Он убрал документы в машину и засмеялся. — Что, навигатор бессилён против казанских складов, раз «еле отыскала»?

«Есть же автобусы, поезда, самолёты. Нет, Мариночке автостоп подавай!» — проснулся мой рассудок. А когда сердце подскочило к самой глотке, в диалог влезла гордость:

— Почему вы говорите со мной в таком тоне и «тыкаете»?

— Тише-тише, — захохотал он. — Если хочешь, зови меня Серёга. Как добралась?

— Да, ты зн...

Рванный вдох шершавым комом застрял в горле. Диафрагму скрутило, и я закашлялась. Как добралась? Видел бы

«как», не задавал бы idiotских вопросов. Со мной всю жизнь происходят нелепости. Особенно когда пытаюсь показаться серьёзной или совершить «взрослый» поступок. Ну не идёт мне строгий мир. Готовьтесь, дорогие читатели, видеть радугу в сером бетоне.

— Выпей большой глоток залпом.

Серёга протянул бутылку тёплой воды. «Чтоб тебя!» — досталось даже солнцу. Буркнув: «Всё нормально?», он обошёл грузовик и лягнул задвижкой кузова. Утихшая мигрень проснулась, и глаза заболели от яркого света. Я выпила бесполезный Цитрамон и, приглушив голос, засемила следом:

— Сергей, я слышала ваш, ой, твой разговор. Всё понимаю. Но разве это моя вина? Может, мне вообще уйти?

Он неожиданно развернулся и по-кубански гаркнул:

— Делай как знаешь! Я через час трогаюсь. Или залазь в машину, или топай отсюда.

Стальная фраза отозвалась эхом. Ещё вчера в фантазиях мы с Сергеем мчали по шумным магистралям, рассказывали друг другу увлекательные истории. Сегодня же впереди плавится асфальт, по которому он вот-вот уедет. Дорогу пригревает бледное пятно, застывшее на ярко-синем небе, а с другой стороны — к мебельным цехам змеится щебневая тро-

пинка.

Во рту посолонело: я закусила изнутри шрам под губой, который остался после автомобильной аварии из детства. Тогда, находясь на заднем сиденьи, я не могла ничего сделать и при виде приближающейся бетонной стены закрыла глаза крохотными ладошками, крича: «Папа, мы сейчас врежемся!» Потом — белое солнце, беспечное щебетание птиц под шипение светло-голубого «Запорожца». Но теперь-то руль в моих руках. Пусть и не автомобильный. Ведь так?

— Я еду с тобой, — слова вылетели дробью.

Позади КамАЗа раздался очередной лязг, спугнувший стайку воробьёв. Они мигом упорхнули, громко ругая Серёгу, а я мысленно похвалила пернатых хулиганов. Сергей еле слышно напомнил о проблемах с грузом, снял с моих плеч рюкзак и поставил на чистый резиновый коврик в ногах пассажирского сиденья. Сощурившись, дальнобойщик-педант закурил и выпустил пару колец дыма.

— Есть хочешь?

Я отрицательно покачала головой, хотя желудок уже давно сопровождал сердечному ритму. Только вода и отвлекала. И то, бутылка скрипом известила, что и спасительница

моя заканчивается.

— Здесь тоже нет питьевой, по дороге купим. Ты скажывай, как дошла! — Кивнув на пустую бутылку в моих руках, Сергей облокотился на капот и закинул руки за голову.

— Дорога была тем ещё квестом! — Я начала загибать пальцы. — Сначала таксист не хотел заезжать на территорию промзоны. Пришлось перебегать трассу. Зебры-то рядом нет. Потом блуждала в лабиринтах, потому что кто-то не брал трубку. Потом...

— А кто тебе координаты кинул? — Он выпрямился по струнке. — Ответил, как услышал. Забыли. Скоро поедем.

Сергей отвлёкся на пиликающий телефон и что-то начал строчить в ответ.

Сама бы я не осмелилась резко прервать напрасный спор, поэтому внутри завизжала от облегчения, пытаясь по-мальчишески запрыгнуть в кабину. Но КамАЗ ещё не принял незнакомку: стальная подножка скрипнула, нога соскользнула, а я в попытке удержаться едва не вырвала боковое зеркало. Через мгновение Сергей по-старшебратски вернул меня в вертикальное положение и показал, куда лучше ставить ногу. Раз он засмеялся, пусть и надо мной, значит, проблемы

решены или близки к этому.

Серый велюр салона пропитался сигаретами, соляжкой и едой. Я невольно поморщилась от непривычной ароматической композиции и приподнялась. Тут же нависший ламбрекен затанцевал на лбу золотистыми кисточками. Их шёлковые нити рассыпались сквозь пальцы. Рассудок же накидывал аргументы против автостопа: хамоватый дальнобойщик, вместо фамилии — псевдоним, мутная история с грузом. «Иди ты! Если мне и суждено пропасть, то явно не за ноутбук в комнате со старым шкафом», — парировала я здравому смыслу и на пару минут закрыла глаза, играя с золотистыми нитями.

После отчётного селфи переложила телефон с шероховатой панели на сиденье и объявила, что готова ехать. Головная боль унималась. Сергей кузнечиком юркнул в салон со словами «Вот это другое дело!» и повернул ключ зажигания. КамАЗ довольно замурчал, отбросил плевок едкой копоти и тронулся. От предвкушения дорожных приключений у меня перехватило дыхание.

Несмотря на капризность, я не городская фифа. Папа при жизни работал машинистом тепловоза, а позднее — авто-

мотрисы, и в нашем доме всегда пахло литолом и мазутом. Ребёнком я постоянно лазила в папиных инструментах, умею паять и даже когда-то курила. Поэтому реагировала на местные запахи в целом спокойно. Первая реакция — от внезапности.

Петляя между ангаров, мы оставили жизнелюбивые одуванчики на складах Мамадышского тракта. Казань быстро удалялась в отражении зеркал. Сергей покосился на меня в полуулыбке. Я молчала. Мы съехали на трассу. Рубеж пересечён — на магистрали правит только ветер.

Глава 3. Урок на обочине

Всё-таки ветер обдувал моё лицо, и всё-таки мы смеялись. Часть деталей я уже забыла, но отчётливо помню, как Сергей возмущался некоторым автостопщицам, энергично жестикуюлирую:

— ... с ней даже поговорить не о чём, только глядит по сторонам: «Какие распрекрасные цветочки-василёчки!» — передразнил он девушку, но вышло по-доброму нелепо.

Сергей прикурил сигарету, швырнул зажигалку к мятой пачке и бурчал. Я же стянула бандану. Взбунтовавшиеся от ветра волосы зашекетали шею, снимая напряжение от тряпичного обода. «Мечты сбываются», — проскользнула мысль. Тогда казалось, что вся поездка будет беззаботно-весёлой, и не только с Сергеем, но и с другими водителями. Я считала, что готова к любым ситуациям и всё контролирую, ведь дома так и было. Когда открыла глаза, то увидела волнительный взгляд Сергея на себе. Через мгновение он выбросил окурочок в окно, положил руку на подголовник и продолжил:

— Другая не лучше! — вдавливая педаль газа, он перекрикивал рокот мотора. — Всё пыталась доказать, что я ничего не смыслю в жизни. Так я высадил её посредеь дороги. Она ещё на форуме жалобу настрочила, мол, я приставал. А у меня, вообще-то, дома жена и сын подрастает.

Гул встречных машин заметно усиливался. Сжимая бандану, я напряжинилась и почти выкрикнула сквозь ветер:

— А не слишком ли ты категоричен? Высадить девушку только из-за того, что у неё другая точка зрения. Я, конечно, всё понимаю, но ведь ты взрослый мужчина. Если бы смолчал, то и она бы успокоилась.

— Ага, прям всё понимаешь! — По громкости его смех не уступал рёву машины. — А когда я не брал трубку, то потерпеть без истерик не могла. Я подвожу людей не за тем, чтобы они учили меня, как жить.

Моя же громкость снизилась:

— Ну сказал бы, что не любишь, когда тебя учат. Или хотя бы предупредил, что высадишь.

— И где же посадить тебя?

Прижавшись к двери, я демонстративно повернулась в окно. Мы проезжали Займище. Прохладное дыхание Волги-матушки остужало пыл и освежало мысли, забирая остатки мигрени. За рекой показались зелёные ковры, которые сменились лугами с невообразимым разнотравьем. Как? Скажите мне, как не любить те самые цветочки-василёчки? Вот из-за этой нелюбви Сергей и с женщинами так поступает. Женская натура идентична природе: сходные циклы, смена настроения, умение созидать практически из ничего, в том числе скандал и бурю. Обе — женщина и природа заслуживают любви. Одинаковой.

— Серёж, ну неужели тебе не нравится эта зелень, запахи?

— Я старалась говорить певучим голосом, поглаживая свои волосы. Не прокатило.

— Что мне твои лютики-цветочки? Каждый день мелькают. — Он потёр губы и, прищурившись, тихо произнёс: — Видела бы ты наше Чёрное море... А что с этими станет?

Ах, вот в чём дело! Не сухарь Серёжа, не сухарь. Но чем луга хуже моря? Оно ведь тоже неизменно. Более того, я вообще не люблю побережье: влажно, солнце не щадит, нормально дышать невозможно. Зато во мне пробуждают безмятежность поля, реки и горы. Помнится, в мае две тысячи двадцать первого года я ездила в одиночный поход с ночёвкой. Всего двадцать пять километров от цивилизации, а вечером — сказка у костра под кваканье болотных красавиц. Свежей полынью измажешься, в огонь лопухов накидаешь, и ни один комар не подлетит. Только по неопытности дежурила ночью с ножом, думая, что у изголовья бродит человек, а это были ежи. Зато утром лягушачьи симфонии сменились бодрым маршем насекомых, вдали замычали коровы, трава в росе налилась сочным цветом, а река ускорила бег. Нет, любая природа хороша. Не прав Сергей, не прав.

В салоне подушнило. Сердце забарабанило. «Стоп!» — я вытаращила глаза на силуэт, перебегающий дорогу. Под скрежет зубов Сергей вцепился в руль. Мат. Визг тормозов. Машина заскрипела, нас повело. Я закрыла лицо ладонями и застыла. КАМАЗ встал, беспокойно покачиваясь.

— Мудак! Куда лезешь! — Сергей повернулся в каби-

ну, огрел кулаком клаксон и с громким выдохом опустился на руль. — Дай воды, пожалуйста. Бутылка под твоим сиденьем. Хочешь, попей.

Последняя фраза вывела меня из ступора. От наклона в голове разыгралось бурлящее пламя. Бутылка выскользнула. Оценив моё состояние, Сергей завёл машину и сказал, что сейчас поедет в кафе. Время терпит.

Спустя десять минут мы притормозили возле кирпичного здания с решётками на окнах. Двигатель затих. Сергей вытащил ключ зажигания и выпрыгнул из кабины. Я спустилась следом, крепко держась за холодный поручень. Двери захлопнулись, сигнализация коротко пискнула.

— Ты сегодня говорить будешь?

— Позднее. — Голос сипел. Тело вибрировало. — Я есть хочу.

Серёжка приобнял меня за плечи и посадил на лавку.

— Не зажимайся. Откинься, поставь ноги твёрдо на землю и положи руки на колени.

Отпустив мои ладони, он отошёл на пару шагов и закурил.

— Умница. Подыши.

Что Сергей рассматривал на горизонте — осталось загадкой. Вот только в моменте реальность исказилась: трасса опустела, солнце замерло, ветер стих, даже сверчки умолкли.

Жил только табачный дым, который молочной струёй рисовал в небе узоры. Секунда? Минута? Чёрт её знает. Позади кафе вновь зашумели самосвалы, трассу заполонили автомобили. Сергей возвращался уставшей походкой, поглощая всё вокруг океаном глаз. Какие же они глубокие! Даже лёгкая небритость на обветренной коже стала к лицу, прикоснуться бы к этому ежу.

Я поплыла в улыбке. Дрожь отступила, хотя мысли ещё путались, а сердце торопилось жить, наливая щёки свекольным румянцем. Думаю, от стресса поднялась температура. Я уже смеялась, а Сергей опасно покосился и произнёс:

— Пойдём, хохотушка.

После самомассажа плеч я поплелась за синеглазым водителем. Под ногами шуршал гравий, в траве пели сверчки, которых было слышно даже в прохладном кафе. Вот это живая музыка, а не ресторанные саксофонисты-гитаристы. Однако аромат борща и растворимого кофе перехватил обонятельно-эстетический интерес. Инстинктивно облизнувшись, я устремилась на кассу. Вы ведь догадались, что было в моём заказе?

Закончив ужинать, Серёжа начал рассказывать о премудростях автостопа:

— Теперь запоминай: никогда, слышишь, никогда не голосуй на узкой обочине и не выходи навстречу машине на близком расстоянии! — Он поставил одну ладонь ребром на стол и параллельно — солонку. — Летом, особенно в жа-

ру, очень сложно увидеть человека. Зеркала бликуют, солнце высоко и воздух кажется белым. Когда будешь голосовать, становись только в карман. Поняла?

Допивая кофе, я согласно кивнула, и Сергей сказал, что пора в путь.

Дневной шум превратился в монотонный гул. Грузовики проезжали реже, КамАЗ покашливал подвеской на кочках. Небо у края полосатилось багряным, жёлтым и молочным, уходя в глубокую синеву. Птицы пронзительно прощались с исчезающим днём. Воздух тяжелел. Мы молчали, хотя очень хотелось прильнуть к худощавому, но, как оказалось, крепкому плечу Сергея.

— Ты меня слушаешь? — Он повернулся, кладя рядом бутылку с водой.

Я устало улыбнулась и сказала «Да». Машину тряхнуло, и струйка, не поместившаяся в рот, скользнула с подбородка на шею. Щекотно.

— ... обязательно надевай яркие вещи. Зелёные, синие, оранжевые, красные — неважно! Тебя и не собьют, и больше возможности поймать машину. Ведь оно, как порой бывает: стоит автостопщик в светлой одежде, его издали не видно, а яркое пятно всегда приметелькается.

— Большое спасибо.

Я теребила карман штанов, освещаемых зеленоватым свечением магнитолы, и ждала, когда Сергей прекратит поучения. Тоже их не люблю, но спорить не рискнула, ведь день окончательно погас, а ночевать негде. Позади осталась Сызрань. Горящие фары встречных машин не вызывали былого энтузиазма, просто рассекая тяжёлый запах битума. Давали надежду только придорожные мотели, которые словно громадные светлячки, приглашали припозднившихся гостей.

Сергей ехал в противоположную сторону, изредка косясь на меня. Он пару раз прочистил горло и всё-таки спросил, где я буду ночевать.

— Нигде.

— Значит, останешься со мной. Сейчас повернём на Краснодар по М-5. Через два километра, — он кинул взгляд на приборный навигатор, — будет стоянка, кафе и душ.

Ответить было нечем. В тот вечер моя самоуверенность надломилась. Ещё утром я наслаждалась любимым кофе в Казани, а теперь буду спать в грузовике с малознакомым мужчиной. Где-то на стоянке.

Глава 4. Придорожный душ

В салоне повисла неловкая тишина. Неприятная пульсация заблокировала горло, хотелось просто исчезнуть. Нет, лучше нырнуть в свою постель, дома. КамАЗ подпрыгнул на кочке и развеял пустые размышления. Как спать в этой кабине вдвоём, если я сейчас чуть не упала на Сергея? Здесь и одному-то не поместиться.

— Спрашивай уже, — пытаюсь улыбаться, обратился Сергей. — Думаешь, буду приставать или нет?

— Не совсем. А что, планируешь? — Я отстранилась и тоже выдавила улыбку. Зачем мы это делаем, если оба устали?

— Слушай, ты отзывы видела, все довольны. С чего решила, что именно к тебе пристану?

— Эта опаска больше формальная. Интересно, как мы будем спать?

Сергей ткнул пальцем в потолок, продолжая следить за дорогой:

— Там полка. Стелю покрывало, подушку и отдыхаю. Но сегодня уступлю тебе.

Наверху темнел люк, обитый всё тем же серым велюром, и в грязных разводах. Оттуда потянуло застарелым потом и несвежими носками. Видимо, Сергей пренебрегал гигиеной в одиночных рейсах. Я со своими «дворянскими» манерами сразу отказалась. Лучше буду ютиться внизу. Тем более жара

сменилась прохладой, и в кабине баловался густой травяной сквозняк.

— Боишься, что увезу, пока спать будешь?

— Не в этом дело. Скорее всего, там некомфортно, и вряд ли я вообще туда втиснусь. Лучше в гостинице заночую.

Впереди, напротив стоянки, на светлом двухэтажном здании замигала одноимённая вывеска. С одной стороны, я жутко не хотела ночевать в придорожном отеле. С другой, спать в таком салоне — то ещё приключение. Даже если он ляжет наверх, как я улягусь внизу? Язык своё дело сделал: остановлюсь в гостинице.

— Давай-давай! Я встану в центре стоянки. Если машина будет закрыта, значит, я в душе. — Иронично улыбнувшись, он закурил и сбавил скорость.

— С чего это вдруг я буду тебя искать? — Сжимая зубы, я вперилась в хамские глаза. Что за чёртова самоуверенность? Русским языком же сказала, что не стану ночевать в этой машине.

Сергей посерьёзnel и севшим голосом спросил:

— Ты знаешь, сколько стоит номер в придорожной гостинице?

Я отлепила от спины футболку и вызывающе спросила о местных ценах. Пять тысяч! В насмешку ветер потрепал мои щёки на скорости, а Сергей снова дымил в открытое окно. Вот и наступил момент того самого безмолвного крика: не в силах произнести ни слова я просто дёрнула коленкой, вы-

тирая ладони уже третьей салфеткой. Автостоп излишне романтизируют. Никто не пишет, где искать ночлег и что делать, если всё-таки не получилось.

КамАЗ остановился у сетчатых ворот. Сергей выскочил из кабины и что-то сказал женщине, которая протянула ему талон из окошка кирпичной будки. Мы припарковались в центре площади. Вокруг выстроились большегрузы, пахнущие бензином, возле них курили мужчины — рослые и не очень, сухощавые и полнотелые, пожилые и молодые. Однако единила их усталость: безмятежным тоном дальнобойщики что-то обсуждали, смех был тихим, голоса приглушёнными.

— Если нужен душ, — участливо произнёс Сергей, — то шагай в мотель через дорогу. Здесь тебе не понравится. На, держи, он платный.

— Не надо мне денег!

Сергей положил купюры в мой карман и ушёл в столовую. В горле комом встало бессилие и чувство унижения, ведь я в состоянии сама оплатить свои потребности. Голоса дальнобойщиков превратились в громкий гул, отдельный смех ножом врезался в уши. Конечно, это совпадение, обострение чувств. Но тогда возможность оказаться в одиночестве, ночью, являлась единственным спасением. Я до сих пор не умею нормально принимать помощь: улыбаюсь, благодарю, а внутри дурацкая «самость» борется со слабой женщиной. И в тот вечер сердце продолжало возмущённо воевать с рёбрами, а ноги — путаться, пока водители фур провожали меня

взглядом, демонстрируя кадыки. Хоть я и подняла подбородок, челюсть разжать не удавалось.

Возле мотеля тоже отдыхали грузовики, пряча в тени своих владельцев. Липкие взгляды этих дальнобоев плотным слоем покрыли меня от пят до макушки. Поэтому я выдохнула только в светлом зале мотеля.

Четыре столика, плазма на стене, чистые занавески и холодильники с едой, а заведует всем миловидная девушка.

— Здравствуйте. Мне бы искупаться и выпить чаю.

— Ой, а у нас бойлер сломался. Вам не хватит горячей воды. — Она виновато опустила голову.

— Мне хотя бы еле тёплой. Очень хочется освежиться. — Я показательно одёрнула футболку.

Девушка принесла ключи от свободного номера на час, предложила полотенце и тапочки. Многоцветные. К счастью, в рюкзаке были личные.

Вдоль узкого коридора бесполезно моргали лампы и, чтобы открыть замок, я включила фонарик на телефоне. Хлипкая дверь просела на петлях и скребла по полу. Солнечные лучи никогда не касались этой комнаты, потому что окно здесь заменял стеклянный кирпич у потолка. Я нажала на выключатель. Тусклый свет выхватил приземистую кровать с пёстрым покрывалом, тумбу и шкаф. В сумраке за пластиковой ширмой пряталась душевая кабина. Удивительно, но тараканы не выползли встречать гостью или они попросту негостеприимные. Раздеваться всё равно было неприят-

но, но липкая кожа заставила проигнорировать дискомфорт. Вода не была еле тёплой. Вода была ледяной! Сначала я сцепила зубы, быстро намылилась под ещё прохладными струями, но когда повернула кран, девушка точно подключила бойлер к Антарктическому океану. «Ой!» — голос был неузнаваем. Героически-невольно закалившись, я кинулась к рюкзаку за полотенцем. Каждый подсушенный участок кожи тщательно натёрла спиртовой настойкой из аптечки. Теперь там пахло не затхлостью, а свежим перегаром. Чёрт с ним! Я наспех переделалась в чистое, утрамбовала влажное полотенце в рюкзак и выбежала в зал.

Девушка вежливо поинтересовалась, всё ли у меня в порядке. Поёжившись, я вкратце рассказала о «ледяном приёме» и попросила фен. Работница тихо ответила, что он лежит в прикроватной тумбочке, в том самом номере. Твою же Люсю! Опять: лампочки, шорох ржавой замочной скважины и финалочка — фен с полуголым шнуром. Мысленно извинившись перед всеми обиженными и попрощавшись с Рыжиком, я воткнула калеку в розетку... Пишу повесть — жива.

На столе уже стоял горячий чай с лимоном, два бутерброда и морковно-огуречный салат. Монотонный хруст свежих овощей утягивал в сон. По телевизору фонила передача «Самый умный»... родом из детства. «Это не слеза, это ностальгия в глаз попала», — думала я, опираясь лицом на согнутую руку и засыпая за столом. Пелену рассеял телефонный

звонки:

— В мотеле решила заночевать?

— Нет, у меня, как всегда, приключения, — мягко улыбнулась я.

Серёжа напомнил о раннем подъёме. Я лениво поплелась тем же путём — сквозь взгляды и свисты местных водил. Должность «дальнобойщик» им не подходит. Но теперь даже на предложение «проводить» под мерзкое хихиканье я отреагировала просто — проигнорировала.

Глава 5. Прощальная ночь

Когда я приблизилась к стоянке, женщина из кирпичной будки вытянула шею и долго смотрела мне вслед. Хотелось обернуться и цыкнуть, но оно того не стоило. Стрекот сверчков затмил человеческие голоса, а бархатный ветер трепал волосы. Предночная сказка рисовала далеко не ругань.

— Приятного, — зачем-то промурлыкала я.

— Благодарю. Ты пьяная? — из открытой кабины отозвался Сергей. — Может, пельменей?

— Нет, спасибо. — Я села и закопошилась в рюкзаке. — Просто отдохнувшая.

— Окей. Тогда хотя бы чай с можжевельником? — Сергей показал крафтовый пакет с надписью «Краснодарский. Ручной сбор».

— Серёж, не обижайся, но я не буду ничего из того, что ты предложишь. Ходит масса историй про угощения, после которых люди как минимум попадали в больницы, а как максимум... сам понимаешь.

— Тогда рассказывай, что приключилось. — Он жевал очередной пельмень, глядя в тарелку.

— В общем...

После этих слов последовал занимательный рассказ об «антарктическом душе», а в конце Серёга долго хохотал над моими злоключениями, прибавляя жар в печке. Его забота

напомнила историю из детства. Во время прятков мы глубоко зарывались в сугробы. И однажды меня либо не могли найти, либо забыли, либо на меня забили. Естественно, домой вернулся снеговик, которого мама отряхивала веником. Тем, который раньше «одевали» в старые чулки, что меня крайне забавляло. Так вот, Сергей ворчал почти как мама в девяносто пятом или девяносто шестом году.

— А чего же ты молчала? — Он поперхнулся и потянулся за водой. — Заболеть по дороге хочешь? Э-э-эх, сразу видно, новичок. У тебя аптечка-то есть? Вытаскивай тёплые вещи, кутайся. Ещё и от чая она отказывается!

Сергей говорил с собой, засыпал вопросами меня, одновременно вытирая руки салфеткой. Я не успевала отвечать и в сумраке искала свитер. Не могли установить фонарный столб поближе!

— Есть, конечно! У меня аптечка на полрюкзака. — Я гордо продемонстрировала туго набитую банную косметичку.

— Носки тёплые надень, турист, и горячий чай выпей. Кипяток налью при тебе, в одноразовый стаканчик.

Сергей обиделся. Это его «при тебе» и «одноразовый стаканчик» прозвучали с таким ехидством, с каким на меня не смотрела женщина из будки. Ему отчаянно хотелось быть нужным. Как же человеку надо быть нужным. Я должна разрешить ему эту заботу. Должна довериться.

— Большое спасибо. — Я натягивала носки с начёсом и

смотрела Сергею прямо в глаза. — Можешь налить мне любой чай, в любой стаканчик. Главное, в чистый!

Мой смех прозвенел в салоне, но снаружи кто-то пробасил: «Тише можно?». Серёжка коснулся кончика моего носа пальцем и шёпотом попросил снизить громкость. Я не сопротивлялась. В салоне запахло чёрным чаем и... можжевельником. Терпкая горечь, разлившаяся на языке мягким золотом, усилила уют плюшевых носков и флисовой кофты. Мы обменялись ещё парой шуток и собрались спать.

— Точно не полезешь наверх? Там теплее и мягче, а вставать в шесть утра.

«И ароматнее», — подумала я, но вслух произнесла:

— Всё-таки здесь мне спокойнее.

Сергей что-то пробубнил и ловко юркнул на «чердак», так я окрестила его спальное место. Сверху донеслось глухое «Доброй ночи!», я ответила тем же и легла. Время — первый час ночи.

Дома я сплю на ортопедической подушке, на ровном и жёстком диване. Сиденья КамАЗа-пятитонника далеки от моего идеала: три кресла располагались на расстоянии десяти–пятнадцати сантиметров друг от друга, а в промежутках торчали какие-то рычаги и детали. Рёбра до сих пор помнят каждый предмет, потому как для холодного металла даже

свитер не стал преградой. К тому же эргономика кресел, пропитанных сигаретным дымом, демонстрировала самые невероятные впадины и выпуклости.

Подушку я попробовала заменить рюкзаком. Не тут-то было! Шершавая боковина возвышалась примерно на двадцать пять сантиметров, а сам дорожный спутник по твёрдости ничем не уступал камню. Выручила футболка, которая хотя бы застилала грязное сиденье. Остеохондроз даже не стал дожидаться утра и напомнил о себе жгучей болью в плечах и шее. Когда тело чуть привыкло, моя нога случайно проверила клаксон. На улице с разных сторон загрохотали двери большегрузов.

— Играешь? — глухо посмеялся Сергей. — Повернись головой к рулю и спи уже.

— Ладно, — виновато прошептала я, прижимая к груди рюкзак.

Теперь гудок чуть было не заплакал от столкновения с моей головой. Ну как можно быть такой неуклюжей! Сергей тоже ёрзает. Наш грузовик, наверное, походит на бриг, несущийся по тёплым волнам. Всё, спать.

Где-то в степи забрезжил рассвет.

16 июня, 2022 год.

Эх, дорогие мои попутчики-читатели, никогда бы не по-

думала, что двух с половиной часов достаточно, чтобы выспаться. Вот только окно на ночь надо было приоткрыть: уже на рассвете влажность в кабине превосходила всякую норму.

— Доброе утро! Выспалась? — Сергей бодро застучал в потолок. Для него, наверное, это пол.

— Ага-а-а-ась... Чему, кстати, удивлена. Мне никогда не удавалось полноценно отдохнуть за два часа.

— Ну-ну. Время двадцать минут десятого, — во весь голос рассмеялся Серёга. — Двигайся, я слезать буду.

— Как? Почему ты меня не разбудил? — Я лихорадочно снимала носки и тёплую одежду.

— Да успокойся. Ты всю ночь маялась, а утром так сладко захрапела, что жалко тебя стало.

Возьму на заметку — «жалобный храп».

Поблагодарив своего благодетеля, я нырнула в рюкзак. Косметичка с гигиеническим travel-набором выскользнула из переднего отдела, потащив за собой аптечку и полотенце. Я затолкала всё обратно, взяла бутылку воды и выпрыгнула из кабины. Что-то треснуло. Опять.

— Штаны трещат или машину мне крушишь? — Сергей повернулся, вытряхивая полотенце.

— Видимо, борщ оказался слишком калорийным, — усмехнулась я. — Если серьёзно, такой же звук я слышала вчера, по дороге на стоянку.

— Проверь обувь и рюкзак.

Я наклонилась к сандалиям. С ними всё в порядке. И рюк-

зак целый. Вроде бы. Ладно, чёрт бы с этим треском.

В воздухе витали запахи сгорающего топлива и кофе три в одном. Фуры уезжали, а я бодро шла к приземистому зданию. За сайдинговой стеной, пожелтевшей от времени, стоял туалет деревенского типа, где неистово трудились зелёные жирные мухи. Амбре вынудило свернуть на другую сторону около лесопосадки, чтобы умыться. Я старалась вспоминать домашний душ, когда тело щекочут горячие струйки, а после ты становишься на мягкий коврик и кутаешься в махру. Но это не помогло расслабиться: сейчас приходилось рассчитывать каждую каплю. На обратном пути я зажала нос, идя мимо здания с «бактериологическим оружием». Так дорога казалась легче.

— Я уж подумал, ты с другим дальнобойщиком уехала. — Мой добродушный учитель облокотился на дверцу и лениво курил. — Можешь заваривать чай. Кипяток готов.

— Спасибо. Здесь жутковатые места для горожанки, — закапризничала я, доставая кружку.

— А что так?

— Ты местный туалет видел?

— А в твоих походах прям все условия есть, да?

— Серёж, почему ты так? Здесь на самом деле омерзительно. На природе чище.

— Привыкай, это особенность автостопа. — Он затушил окурки и отхлебнул чай, глядя на часы.

А вот мой утренний ритуал — это растворимый чёрный

кофе. Тогда со мной был пакетик Якобса. Его вкус разнится от места употребления: на природе у реки — с нотками влажной древесины, вдали от водоёмов — с кислым послевкусием, а возле трассы в нём явственно ощущаются масляные фракции. Я допила уникальный кофейно-дизельный напиток. На завтрак времени не было.

— Мне пора. — Сергей приблизился. — А ты иди назад, до развязки, которая перед городом. Но лучше встань на позицию в ближайшем кармане. Сейчас трафик высокий, машину проще поймать.

Я подала руку и сказала, что буду рада встрече. Хотя когда прокручивала в голове прощальный момент, то приготовила целую тираду о благодарности за советы, заботу, и за то, что не обидел. В этом вся я: настрою планов, а как доходит до дела, до сути — всё летит в тартарары. Теперь-то, что рассуждать.

Сергей уехал. Я отправилась на трассу.

Февраль, 2026 год.

Может, физически мы и разошлись, но в мессенджерах общаемся до сих пор. Вспоминаем поездку, делимся новостями из своей жизни. К примеру, недавно Сергей купил тягач. Теперь уже с двумя удобными и большими кроватями. В написании этой повести он тоже принял участие. Предлагаю

поблагодарить Сергея и двигаться дальше.

Глава 6. За поворотом

16 июня, 2022 год

Сегодня меня ждёт Тольятти. Вчера вечером под хруст са-
лата я забронировала койко-место в сетевом хостеле Like.
По крайней мере, в Ульяновске и Казани есть его филиалы.
Главное, успеть до девяти часов вечера.

От будничных мыслей меня отвлекли засеянные поля, ко-
торые через три месяца вскормят местных жителей, а мо-
жет быть, и всех россиян. По другую сторону открывался зе-
ленеющий брод, поодаль — канава с буйствующим ручей-
ком. Я перебежала дорогу и спустилась по каменисто-рых-
лой земле. Здесь пряные луга внезапно контрастировали с
тлетворным запахом от корней деревьев. Единение кипящей
жизни и неотвратимой смерти на маленькой территории —
это невероятное творение природы. Засохшее дерево не ис-
чезает в никуда: оно кормит грибницу, даёт дом личинкам,
становится фундаментом для чего-то нового.

И мы люди ничем не хуже. Вчерашний опыт убедил меня,
что когда человек уходит, он, как то дерево, оставляет по-
сле себя почву в виде наставления, слова или доброй памя-
ти. Чтобы круговорот человечности не обрывался. Главное,
не уходить по-английски, ведь пустота вместо почвы — это
слишком жестоко.

К трассе вела ржавая лестница, которая тоже своё отслу-

жила, и лишь покачивала перилами. А на обочине ветер вернул меня в автостопную реальность, метнув в лицо недурственную горстку песка. Я отплевалась и потянулась за водой. На донышке сухой бутылки плескались перегревшиеся остатки. Хоть что-то.

Тут из глубин сознания донёсся голос. То был желудок, требующий хотя бы сухарик, иначе организм отключит рассудок. Из сетчатой боковушки рюкзака выглядывал только воздушный рис «из детства». Конечно, это максимально непрактичный перекус, однако утолив голод, можно получить двойную дозу наслаждения от ностальгии по тёплым временам.

Заливистый детский смех, скрип качающихся качелей аттракциона «Лодочка» и обворожительные «Лебеди», стремящиеся унести счастливых малышей в далёкие края.

— Воздушный рис, — проговаривая каждую букву, прочитала десятилетняя Маришка. — Алин, Алин! Ты будешь воздушный рис?

— Не знаю, — крепко вцепившись в руль, пролепетала трёхлетняя сестричка. — Что это?

— Рис, наверное. Только он таким не бывает. Этот сладкий и липучий.

Подъезжая на детском внедорожнике, Алиночка протянула руку со словами «Дай!». Марина не раздумывая всучила сестрёнке шуришащую упаковку, ведь она ничего не пожалеет для самого родного человека. Она с утра и до вечера сто-

яла вдоль дороги и ждала, когда мама придет из роддома и привезёт ей сестрёнку.

За неугомонными девчонками наблюдали совсем молодые родители. «Они самые сильные, знают всё-всё-всё и могут полететь на Луну», — думалось тогда сестрёнкам.

Сладкие зёрна таяли во рту, сменяя скрип качелей на дорожный гул. Твою налево! Я забыла отчитаться Алине о том, что уже вышла на трассу! Непрочитанные сообщения «Привет. Где ты?», «С тобой всё в порядке?» и «Почему не отвечаешь?» в чате с сестрёнкой укоризненно смотрели с бликующего экрана. Внятно объяснить задержку не получалось, поэтому к местоположению я добавила смайлик. Для второго сообщения сняла видео с демонстрацией сия благоговейно-величественной природы.

Селфи-улыбка сползла с лица сразу после затвора камеры из-за противных ощущений: волосы под оранжевой банданой полностью промокли. Ещё и пыль налипла к приторным губам! По заветам Серёги я, конечно, оставила маячок, решила срочно пополнить запасы воды и ловить машину. Автостопом я всё-таки путешествую или по обочинам разгуливаю?

Братец-ветер озорничал, выкручивая перед лицом пыльные столбы. Увернувшись от очередного, я заметила кафе за поворотом. Там точно не откажут в воде и предложат меню с нормальной едой.

— Да помолчи ты! Сейчас всё будет, — рывкнула я на

взбунтовавшийся желудок и бодро спустилась.

Издаലെка виднелся высокий забор из красного кирпича, оббитый то ли плющом, то ли виноградом. На входе красовалась чугунная калитка с причудливыми узорами из металлических прутьев, а по периметру росли белые цветы. Около дома дорога превратилась в булыжную тропинку. Вы когда-нибудь прогуливались по улочкам прусских деревень XIX века? А я — да! Аутентичную атмосферу усиливала обстановка: мне навстречу двигалась пышная женщина в длинном платье и белоснежном чепчике, а во дворе трепетали кипенно-белые простыни, напоминавшие паруса барка «Пруссия». Шёпот гувернантки мгновенно рассеял морок:

— Что вы хотели?

— Набрать воды, а то моя совсем нагрелась и становится ядовитой, — некстати пошутила я, демонстрируя тусклый пластик.

— Только быстро, пока никто не видит. За домом. — Натянуто улыбнувшись, женщина указала на калитку.

— А у вас кухня работает? Я бы съела тарелку шашлыка. Моё чувство юмора и настроение были сломлены, потому что она прошипела:

— Я же просила «тихо и быстро»!

Съёжившись, я робко извинилась. Что происходило за

стенами загадочного дома, до сих пор не знаю. Если честно, и не хочу этого знать. Но когда женщина посмотрела на заштопанное окно первого этажа, морозная паутина мигом скрутила мой позвоночник. Конечно, там ничего не промелькнуло, только дёрнулась штора, но ей-богу, это какой-то триллер.

На заднем дворе хаотично лежали пластиковые канистры разных размеров и металлические бочки с проржавевшими боковинами. За фруктовыми деревьями спряталась парочка грядок, от которых пахло влажной землёй и гарью. Услышав очередное «Быстрее», я подняла шланг и жадно прикоснулась губами к струе. Ледяная вода обожгла горло. Женщина подгоняла жестом. Сквозь стиснутые зубы я прошептала: «Театр абсурда какой-то».

Когда полторашка наполнилась, я попрощалась и выбежала. Калитка скрипнула. Бульжная тропинка неожиданно быстро закончилась, а сладкий аромат пионов даже не ощутился. Временами я оборачивалась сквозь рыжую пыль, опасаясь, что сейчас выбежит грузный мужчина с топором:

— Хераус мит дир, ду унфершамтес Мэдхен! (Убирайся отсюда, наглая девчонка!)

А за ним, размахивая руками, побежит гувернантка:

— Генрих, она ни в чём не виновата! Это всё я!

А он ей:

— Берта, ге инс Хаус! (Берта, иди в дом!)

А я такая — волосы по ветру: «СпаситиПамагити!»

Приеду домой и накатаю сценарий для ужастика. Если се-

рѣзно, то это жуткое место, несмотря на чарующую обстановку. Но главное — свежая вода есть. Теперь точно пора поворачивать на трассу.

Глава 7. Первый прецедент

Снова XXI век. На какой-то период я потеряла счёт времени, потому что солнце умерило задор, а воздух стал свежее. Несмотря на облегчение, у меня в горле стоял ком, ведь пора ловить машину. В первый раз. Самостоятельно. Отсюда до Тольятти почти сто тридцать километров, больше двух часов езды. Значит, на загруженной фуре дорога составит около трёх часов.

— Три часа общаться с малознакомым мужчиной на грузовике, — проговорила я вслух по слогам. После утреннего туалета эйфория испарилась, потому что сегодня я мандражирую от одной только мысли о поездке с неизвестным дальнобойщиком. Вчера же эта перспектива интриговала. Опыт напоминал: как к человеку относишься, так он тебе и отвечает. Оптимист проснулся.

После мысленной тирады вспомнились автостопщики-философы, о которых говорил Серёга. Некие путешественники, считающие, что мыться — это удел плоскомыслящих, ведь истинная ценность кроется в душе, а не в теле. Ехать с ними в одной кабине — то ещё удовольствие. Посему дальнобойщики не подвозят «высокодуховных пассажиров». К счастью, у меня другая философия, которая поддерживает чистоту не только помыслов, но и тела нашего бренного. Привести себя в порядок можно на заправке.

До ближайшей сетевой АЗС «Татнефть» минут десять пешком. Я брела вдоль трассы, где маленькие вихри игриво ныряли под футболку, остужая тело, пока солнце бесцеремонно трогало лицо. Мои щёки покраснелись, а потрескавшиеся губы местами кровоточили. И вместо того, чтобы беречь их, я откусывала отходящую кожицу. Из-за физического стресса пот струился в два раза сильнее. Это было подсознательное наказание за несерьёзность, ведь в моём мире никто никогда ни в чём не был виноват, кроме самого человека. Вот и заправка.

У колонок стояли два легковых автомобиля и подъезжал могучий MAN. Женщина из Renault пристально рассматривала мой рюкзак, пока не щёлкнул заправочный пистолет. Цепкий взгляд нервировал. В те годы я не знала, чего поистине хочу, не слышала ни себя, ни своё тело. Поэтому любая напористость пробуждала черепашку-Марину, которая торопилась залезть в панцирь. В тот момент им стала операторская. Дверь в прохладный зал открылась под аккомпанемент колокольчика, и я выдохнула.

— Добрый день! Вы автостопер? — тишину нарушила зеленоглазая брюнетка, выглянувшая из-за кассы.

— Здравствуйте. Да. — Улыбаясь, я скинула рюкзак. — Подскажите, как пройти в туалет?

— Идите за ту витрину в комнату матери и ребёнка. — Она кивнула на стеллаж с автотоварами и по-пионерски отчеканила: — А ещё автостоперов мы угощаем пирожком и

кофе. Бесплатно!

Видимо, эта девушка давно хотела угостить какого-нибудь автостопщика. Кто я такая, чтобы отказать ей в этом?

— Уау! Тогда мне американо без сахара и пирожок с капустой. А у вас есть растворимый кофе? Я не люблю варёный.

Она отрицательно покачала головой, вернув руки под витрину. Я быстро подошла к девушке со словами о том, что пью любой кофе и извинилась. Успокаивать её не было смысла.

«Вот чёрт! Похоже, Дарина расстроилась — это имя значилось у неё на бейдже. Сначала — мысль, потом — язык. Верно? Да, — скажете вы и будете правы. Но почему-то мой язык постоянно мчится впереди планеты всей. О боги! Да простит меня юная особа!» — думала я по пути в уборную.

Массивная металлическая дверь туалета открывалась туго. В стерильной комнате матери и ребёнка было большое зеркало и две раковины — высокая и низкая. Девушки знают, насколько важно видеть себя со стороны, особенно в спартанских условиях. Однако радость быстро съехала с лица, потому что потную футболку пришлось убрать к чистой одежде. Я человек, который не убирает в шкаф единожды ношенную вещь, затрепетала от возмущения и бесшумно топнула по мягкому, ровному полу.

— Да, Марина, ты здесь точно не мать, — засмеялась я отражению и повернула вентиль.

На голову полилась мощная струя тёплой воды. Я массировала волосы, отправляя в слив пыль от дороги, ведущей

к «Берте и Генриху», тревожные воспоминания об аварии и необоснованный страх. Прошло две минуты или больше. Груз ушёл. Или уплыл.

Из банной сумочки, пахнувшей влажным мылом, зубной пастой, я вынула пробники шампуня и кондиционера. Друзья-читатели, открывайте их до того, как намочили руки, иначе треклятые пакетики постоянно выскользывают. Но я выиграла в той битве и, закутав волосы в полотенце, приступила к телу. Мыться «по частям» оказалось сложнее. Поэтому спустя только полчаса, из сверкающего зеркала мне подмигнула девушка с влажными локонами, готовая покорять мир!

У кассы стоял мужчина. От него резко пахло бензином даже на расстоянии нескольких метров. Он обернулся на дверной скрип:

— Куда едете?

— А вы?

Мужчина молча вышел. Колокольчик тоже не издал звука. Только кондиционеры гудели, холодя макушку. Дарина посмурнела, наблюдая за уходящим, и тихо произнесла:

— Садитесь за угловой столик.

Мне не понравилась её реакция, но уточнять что-либо было жутко. Лучше неведение, чем бесполезная нервозность. Или я не права?

Кофе оказался кислым. Сквозь окно было видно, как в сторону МАНa развязно вышагивал тот самый подозритель-

ный тип. Точно дальнобойщик. Ветер трепал чёрную борцовку на худощавом торсе водителя, пока он закручивал крышку топливного бака. Наконец-то укатит, хоть нормально поем. Через миг на улице громоподобно захлопнулась дверь машины: скалящийся тип, сидя в кабине, буравил меня взглядом. Пирожок встал в горле острым комом.

— С вами всё в порядке? — Дарина бежала с упаковкой салфеток.

— Не совсем. Тот водитель странно смотрит. — Держась за шею, я повернулась в окно, но большегруз уже рычал, готовясь к отъезду.

— Так, — серьёзно начала брюнетка, — сейчас попейте воды, подождите, пока он уедет, а потом спокойно пойдёте. Кстати, а куда вы едете? И почему вы одна?

Я вкратце рассказала всю историю. К этому времени грузовик замолчал. Но не потому, что уехал, а потому что встал ближе к обочине. Мужчина курил и продолжал рассматривать нас из кабины, будто уже поймал в сети. Мы отошли к кассе.

— Значит, вам пора уезжать, иначе опоздаете. — Девушка оглянулась в окно и застучала пальцами по стойке.

— Большое спасибо за угощение, Дарина. — Я намеренно задержалась на бейдже и перевела взгляд на девушку.

Завязав бандану на отросшем каре, я вцепилась в лямки рюкзака и направилась к выходу на трясущихся коленях. Колокольчик попрощался весёлым звоном, ветер встретил жар-

ким порывом, а трасса — запахом подплавившихся колёс. Водитель МАНа что-то делал под брюхом грузовика. Не воспользоваться шансом на побег было бы грешно.

Когда АЗС стала превращаться в точку, мои руки безмятежно двигались в такт телу. Я, щурясь от солнца, рассматривала с обочины ветхие домики, которые видели больше, чем любой старожил: и похоронные, и свадебные кортежи, и драки, и тайных влюблённых в берёзовой роще. А красочный венки в овраге напомнил, что и дорога запечатлевает события. Не всегда хорошие.

Наконец-то удобный карман — подальше от хищника в подвёрнутых штанах. Здесь я впервые подняла большой палец руки, вытянутой навстречу грузовику. Знакомая фура: тёмно-фиолетовая кабина, МАН. Водителя не видно. Регион — Казахстан. Сворачиваем лавочку. В животе защекотало, когда я вспомнила рекомендации Сергея — не садиться к дальнобойщикам из Адыгеи, Казахстана, Армении и других братских республик. Они недолюбливают автостопщиков и неуважительно отзываются о девушках.

— И всё-таки, тебе куда? — из рычащей кабины гаркнул тип в той же борцовке с тем же оскалом.

— Зачем вы подстерегали меня на заправке? — Я инстинктивно отшатнулась.

Водитель хрипло смеялся, выпрыгивая из кабины. Я стала быстро озираться по сторонам. Он запрокинул голову:

— Да какая разница? Поедешь со мной?

— Нет.

— Да ладно тебе! Я не обижу.

Он шагнул ко мне. Я достала из кармана штанов перцовый баллончик:

— Отойди!

— Э! Э! Иди на хер! — Он оглянулся на подъезжающую легковушку и заскочил в кабину.

MAN грозно заревел, окатив меня выхлопными газами, и умчал вдаль. Вот и первый прецедент. Притормозил седан. Трое парней спросили, не нужна ли мне помощь, и предложили довезти. Я отказалась, глядя в никуда. Пространственный вакуум заполнил крик беркута.

Мгновенная дрожь автоматной очередью прошла через всё тело. Оно не сопротивлялось. Я опустила на рюкзак и свесила руки. Язык прилип к нёбу, а пальцы продолжали трепетать. Я затравленный зверь. Ветер свистел, нагоняя на солёное лицо пыль, которая застывала песчаной маской, но сомкнутые желваки разрушали хрустящую корку: поймаю попутку, доберусь до перекрёстка, пообедаю и поеду в Тольятти! «Я это я или не я?» — просыпался во мне иронизирующий недовоин. Кто-то считает, что это бездумность, неадекватная оценка происходящего, но в жизни есть причины, по которым лучше воскресать через юмор. У меня всегда всё отлично. Птица очертила полукруг и скрылась за деревьями.

Вода нагрелась, оставаясь при этом невероятно вкусной. Бутылка трещала в крепких объятиях, а каждый глоток стре-

мительно её опустошал. Вволю напившись, я сосчитала до десяти, чтобы выровнять дыхание. Вместе с ним уравновесились тело и душа. А метрах в тридцати замедлялась сияющая «десятка» с прозрачными стёклами.

Глава 8. Ани

Светловолосый водитель свернул на обочину. Я попятилась от пыльного вихря, а он спросил через окно у пассажирского сиденья:

— Куда подвезти?

— До того перекрёстка.

— С вами что-то случилось? — Он вышел из машины и протянул руку. — Я Владимир.

— Всё хорошо. — Я отзеркалила жест и представилась.

Поправив поло, водитель открыл пассажирскую дверь и пригласил меня в салон. Когда я подошла ближе, то запах бензина разыграл воображение: на трассу вернулся рычащий MAN без водителя, щурясь прямоугольными глазами. Я сглотнула ком и машинально стала нащупывать в кармане перцовый баллончик. Владимир плавно вырулил на дорогу.

По коже пробежался ласковый ветерок с нотками автомобильной «ёлочки» и свежести. Видимо, хозяин машины недавно почистил фильтры кондиционера. Но я прижала локти к рёбрам, сомкнув ладони в замок, потому что металлический запах пота впитался в футболку. Мужчину же окутывал табачно-древесный аккорд в шипровой вуали. От диссонанса ароматов стало ещё жарче. Замкнутый круг. С одной стороны, мне хотелось подольше побыть в этом салоне, но с другой — стыдно. Ехать до перекрёстка не больше десяти

минут.

— Я вот из Новоспасского в Ульяновск еду.

— Приятно познакомиться, автостопщик из Казани. — От его открытости я распрямилась и засмеялась. — Планирую доехать на попутках до Оренбурга. Маршрут выстраиваю в моменте. К примеру, сейчас еду в Тольятти, но сначала хочу поесть.

Владимир поправил густую чёлку, повернулся и подмигнул:

— Я отвезу вас туда, где кормят так, что уезжать не захотите! На развязке есть армянское кафе «Ани». Там потрясающий плов.

Неоднозначная рекомендация — «уезжать не захотите из армянского кафе». Скорее всего, это просто неудачная шутка. В принципе, автостоп не так уж и страшен. Всё как и в буднях: раз на раз не приходится. Например, из окна этой «десятки» по солнечной дороге бегали разнокалиберные машины-тараканы, а из другой — на небе собирались тучи. Я же, наблюдая за шальной гонкой, прислонилась затылком к подголовнику и теребила собачку молнии на рюкзаке.

— Марина, а вы не боитесь путешествовать автостопом в одиночку? — Владимир миролюбиво поглядывал то на меня, то на дорогу.

— Боюсь, конечно. Но я давно хотела поколесить таким способом и, наконец, рискнула, — ответила я с широкой улыбкой.

Если бы вы знали, как сейчас, спустя четыре года, мне надоел этот вопрос. Тогда реакция на человеческое любопытство была спокойной и даже понимающей. Но о страхе меня спрашивали слишком часто. Как не страшно? Конечно, страшно. Однако это естественное чувство. Я — взрослый человек, оценивающий риски, и ответственность за свою жизнь беру на себя. И в первый раз я тоже понимала, на что иду, хотя решение и было спонтанным. Да, мне страшно. Но я не позволю первобытным чувствам вести меня в цивилизованном мире. Неужели людям больше ничего не интересно из одиночных путешествий? Людям страшно всегда. И те, кто задают назойливый вопрос, тоже боятся. Причём боятся и под машину попасть, и под сосульку с крыши. Но почему-то они не спрашивают друг друга о том, не страшно ли им выходить на улицу или вынимать штекер из розетки. Классика жанра: использовать двойные стандарты, чтобы превознести себя: я — здравомыслящий, автостопщик — безрассудный. Извините, накопело. Вернёмся на четыре года назад.

— Я тоже хочу сделать что-нибудь сумасбродное, да только страшно. А вы очень смелая.

— Это был необдуманный шаг. Поверьте. Но я ни о чём не жалею.

Машина притормозила от лёгкого нажатия стопы на педаль, и Владимир пожал мою руку:

— Приехали. Было приятно пообщаться, но мне в другую

сторону. Вам туда, к одноэтажному зданию.

Он показал на перекрёсток и вышел на улицу. Водружив на мою спину рюкзак, водитель пожелал счастливого пути и уехал. А я прошептала вслед удаляющейся «десятке»: «Пусть все его мечты сбываются».

Вот так судьба чередует полосы — то форс-мажорами, то в виде человеческих лиц. С этими мыслями я привстала на цыпочки, подняла плечи и раскинула руки навстречу небу, зажмурившись от удовольствия. А потом под хруст костяшек отправилась к перекрёстку.

На другой стороне федеральной трассы под ногами зашуршали старые осколки вперемешку с песком, под которым прятались куски покрышек. Я заторопилась, потому что крохотные камешки забивались между стопами и подошвой. Через пару метров нарисовался низкий забор, огораживающий одноэтажное здание с огромной надписью «Кафе Ани». Наконец-то нормально поем и уеду в Тольятти.

Прохладная дверь приветственно скрипнула и чуть слышно закрылась за мной. Уличные звуки стихли. В одиночестве я облокотилась на стену, стоя на полусогнутых ногах. Но-стальгическая улыбка не заставила себя ждать: запах плова и жареного мяса, действительно, удерживал посетителей. По каждую сторону от двери было одно окно. Вдоль него стояли

два покосившихся столика, а третий — буквой «Г» прижился к стене. Может, помните в нулевых годах такая мебель была модной: красные пластиковые стулья и столы, на которых стояли бутылочки уксуса, настоянного на специях. «Ани» вернула меня в юные годы. Я скинула рюкзак, облегчённо выдохнула и села. В центре лежал ламинированный лист А4 с меню. Его шероховатые края изрядно потрепались, но блюда, граммаж и цены были по-прежнему видны.

За окном промелькнуло два силуэта, и через минуту входная дверь скрипнула. В кафе вошли мужчины, от которых разило дешёвыми сигаретами, бензином и потом. Я вцепилась в меню и попыталась спрятаться за листом, поглядывая на посетителей, как крокодил. Сызранский бермудский треугольник какой-то! Вдруг первый — крупный мне кивнул, второй — карикатурно худошавый сказал: «Здрасьте», и они направились к кассе. Я автоматически отзеркалила приветствие.

«Нормальные дальнобойщики отечественного производства? Или мы вчера виделись на стоянке?» — рассуждала я, трогая указательным пальцем морщинки на лбу, появившиеся от нахмуренных бровей.

— Арменчик, ты здесь? — громоподобно произнёс первый, в белой майке. — У тебя гости!

Второй, в растянутой футболке, изучал содержимое холодильника. Выбрав что-то из выпечки, он посмотрел на лист-дублёр меню, который приклеен к стеклу.

— Здесь, здесь! — Из подсобки выплыл низкорослый мужчина, похожий на чёрного паука, ползущего из паутины, которую заменял тюль. — Давно стоите?

— Там девушка, а мы только зашли, — парировал здоровяк и показал на меня. — Обслужи её сначала, что ли. А то она какая-то пуганная. — Он добродушно улыбался.

Мой желудок возомнил себя музыкантом и сыграл короткую арию на всю закусочную. Я засмеялась, прикрывая лицо ладонью, и отчеканила заказ:

— Ой! Простите! Мне плов, пирожок и кофе.

— Ну с кем не бывает. К вам можно или вы нас боитесь? — Мужчина подступил на шаг и остановился.

— Я просто тороплюсь очень. Думаю о своём. Пере-не-нервни... чала. — Внезапно стало жарко, руки затряслись, а челюсть одеревенела. Я обратилась к Армену: — Где туалет?

— Там... — Он указал на маленький коридор, спрятанный за потрёпанным тюлем. — Только он пла...

— Армен! — прогремел здоровяк.

— Для вас бесплатно! — Услышала я, уже умываясь.

Сама не понимаю, что это было, но после ледяной воды мысли прояснились. Я вернулась с приподнятым подбородком и чёртиком в глазах. Пока Армен принимал заказ у дальнобойщиков, микроволновка ритмично гудела в унисон бурлящему чайнику.

— Всё хорошо? Аптечка не нужна? — Здоровяк закинул

руку за шею.

— Демонов изгнали, можно и поесть, — отшутилась я, глядя в глаза, и обратилась к Армену: — Сколько с меня?

Он отбил быстрый ритм на калькуляторе.

— Сто пятьдесят. — И посмотрев на рюкзак, добавил: — Что-нибудь ещё: сок, мороженое, чипсы или товары в дорогу?

— Спасибо, но я скоро приеду на место.

Мгновение мужчины недоумённо переглядывались.

— Такие перемены к добру, — мелодично произнёс долговязый, помешивая кофе «три в одном».

Я безмолвно улыбнулась, оплатила заказ и с подносом пошла за свой столик. Мышцы ног свело, как после тренажёрки. Но кофе всё исправит, здесь он растворимый.

Золотистый диск перевалил за полуденный рубеж. Я жевала плов того же цвета. Однако с Владимиром не согласна: блюдо было вкусным, но только сразу после приготовления. Микроволновка оставила сердцевину холодной и жирной. Ситуацию спас любимый американо. Держа в руке чашку, я наблюдала за солнечными зайчиками на прозрачном стекле. Из кустов грациозно вышла зеленоглазая пыльная кошка. Она повернулась и, оглядываясь на меня, побежала к дороге. К той, по которой пора ехать.

— До свидания! — я звонко окликнула троицу.

— Счастливого пути! — они ответили хором. Здоровяк добавил: — И спокойнее реагируйте на внутренний голос.

Конечно, он говорил о желудке, но суть-то кроется в другом. Посему, дорогой читатель, мы отправляемся во вторую часть путешествия.

Глава 9. «Таганка, все ночи, полные огня...»

На этот раз я выбрала позицию под сенью вязов с непроходимой шевелюрой, а позади вилась тропинка к полю, куда ускользнула кошечка. Интуиция тогда шепнула, что сейчас встретится очень доброжелательный дальнбойщик. И буквально через десять минут притормозила SCANIA. Из оранжевой кабины выглянул усатый смуглый мужчина.

— Вам куда? — с деревенской неторопливостью спросил он.

— Здравствуйте! А вы в какую сторону едете? — Я хитро сощурилась.

На форумах не рекомендуют первой говорить о своём маршруте, поскольку коварные мужчины могут сказать, что им туда же, но увезут совсем в другое место. Вот я и затеваю чудаковатую игру. Хотя по дальнейшим наблюдениям, ни один из водителей не посчитал этот поступок нестандартным.

— В Набережные Челны. А вам куда надобно? — Весёлый дедушка подыгрывал интонацией.

— Мне в Тольятти. И чем раньше, тем лучше.

— Садитесь. Через час приедем.

Я воскликнула «Здорово!», водитель спрыгнул, открыл

пассажирскую дверь и помог вскарабкаться в фуру. Кабина большегруза находилась практически на уровне головы. А мой рост, между прочим, метр семьдесят.

Площадь салона — не меньше кухни в хрущёвке: позади два спальных места вида плацкарт, на полу — канистры, коробки, одежда. При этом пахло лишь сигаретами и топливом, никакого пота. Я поставила рюкзак в ноги на пыльный коврик, пристегнулась и начала рассматривать приборную панель. Из множества мелочей взгляд зацепился за пепельницу, которой стала банка из-под тушёнки, а обычно окурки складировуют в кофейных жестянках. Этот дядька особенный. Он держал руль, как штурвал корабля, и заговорил:

— Я Валерий, но лучше дядя Валера. А вы?

— Марина.

— Дык может на «ты»? — внимательный дядя Валера заметил, как я вцепилась в рюкзак. Я согласилась, расслабив мышцы.

— Откуда едешь, Марина?

— Из Казани в Оренбург. Я там живу.

Расправленные плечи и поднятый подбородок свидетельствовали о том, что дядя Валера не просто рулит, а управляет фрегатом:

— А я из Шуи. У меня там жёнка, дочка и две внучки.

Я улыбнулась, глядя в окно, хотя глаза наполнялись слезами. Мой папа тоже постоянно рассказывал коллегам о нас, делился нашими успехами. Ситуация осложнялась тем, что

черты лица дяди Валеры были схожи с папиными. Даже поджарая комплекция. А папы на ту пору не было уже три года. На момент написания этой повести — семь лет.

— ...я ж для них и работаю, — продолжил он громче, — а с автостопщиками общаться люблю. Вы молодые, красивые, современному слову учите. А я, как дитяtkой был, дык по-другому изъясняться трудно. — Дядь Валера иронизировал над собой, но планку держал.

Разглядывая трещины на лобовом стекле, которые похожи на карту дорог, я сложила пальцы на подбородке, как «Мыслитель» Родена:

— Дядь Валер, а какой резон дальнoбойщикам возить автостопщиков бесплатно? Вы ведь и по платным дорогам ездите, а денег с нас не берёте.

— А-а-а-а, дык ты в первый раз, Маришка! — Прихлопнув руль, он рассмеялся. — Ехать всегда долго. Дорога монотонная, музыка одна и та же, рациями почти не пользуемся, сменщиков тоже редко берём. Вот и засыпаем на ходу. А вы развлекаете, с вами интересно. Но если уж совсем ухайдоканный путник, то и спать укладём.

— Не хочу вас ни в коем случае обидеть, но про ухайдоканного я не поняла. — Улыбаясь, я пожала плечами.

Дядя Валера залился хрипловатым смехом и сказал, что «ухайдокаться» — значит устать. Так говорят на его родине. Я хотела записать в блокнотик это слово, но SCANIA повернула на грунтовую дорогу за синим указателем с надписью

«Валы». Сердце забушевало в такт волнам дорожных ухабов. Ещё и бутылки сзади стали громко перекачываться!

— А куда мы едем?

— Мариночка, а ты не голодная? — по-отечески поинтересовался дядя Валера.

— Нет, спасибо. В закусочной поела. Куда мы едем?

— Так-то там не еда! Я тебя таким угощу, что ещё долго вспоминать будешь. — Он криво усмехнулся. — Ты окно открой, вдохни и угадай где!

Эта угадайка мне совсем не нравилась, но я выглянула. Ручка проворачивалась туго, но с каждым оборотом грязное стекло опускалось. Деревня: характерный запах бурёнок, влажного сена и травы, а дворы частных домов манили медовыми акациями.

— Эх, шибко вас, девок зашугали пацанчики! — Дядя Валера досадливо покачал головой. — Это деревня Валы. Мы к Жигулёвску подъезжаем. Я тут всегда стою полчаса. Сейчас узнаешь почему.

Он притормозил на улочке между рядами кирпичных домов, выпрыгнул из кабины и пошутил: «Ты только не уезжай! Ключи в замке зажигания остались!». Хмуро отведя взгляд, я ринулась к телефону и открыла виртуальную карту. Мы медленно, но верно двигались к Тольятти. Тогда находились в деревне Валы Жигулёвского района. На легковушке ехать примерно полчаса, значит, на грузовике — около сорока минут. Аллилуйя! Наверное, дядя Валера решил размяться.

Из окна фуры открывалась большая панорама: вдоль всей улицы на низких колодах сидели бабульки, которые продавали молоко, яйца, мёд и что-то в завёрнутых баках. К одной из женщин и подошёл дядя Валера. Она раскрыла ёмкость, укутанную в несколько полотенец, и из неё повалил густой пар. Сладкий воздух мигом заглушил новые запахи, а бабуля захлопнула крышку. После быстрого диалога водитель большегруза рассчитался, взял свёрток и вернулся к машине.

Забираться в кабину было сложно. Дядя Валера держался за поручень одной рукой.

— Ну-кась, Мариночка, успокоилась?

Непроизвольно хихикнув, я любопытствовала:

— Вы здесь постоянно покупаете домашние деликатесы? Угадала?

— А то ж! Сейчас поешь нормально. Это те не пирожки с закусочной! — Он затряс указательным пальцем над головой.

Положив благоухающий узелок на панель, дядя Валера повернул ключ зажигания, и большегруз довольно заурчал, подтверждая слова владельца. От подпрыгиваний машины маслянистая газета открывала взору целлофан. Из него выглядывала соблазнительная загорелая ножка курочки. Вероятно, домашней. Дядя Валера косился на меня с улыбкой, а я глубоко вздохнула:

— Только не говорите, что будете меня кормить этим роскошеством...

— Дык а зачем я тебя за угол везу? — Он рассмеялся, пытаясь сделать жуткую гримасу.

Машина встала в конце улицы, оставив позади гомон двторы и кудахтанье кур. Может быть, их ожидает та же участь, что и соплеменницу, которую дядя Валера спешно выложил на тарелку, предусмотрительно подготовленную во время езды «за угол». Я машинально сглотнула слюну и потянулась за водой.

— Достань из бардачка влажные салфетки и давай кушать. Потом напьёшься.

— Есть смысл отказываться?

— Ешь! У бабы Лиды такие куры, что век не забудешь!

Когда я повернулась, на меня смотрела пышнотелая сочная птичка. Она благоухала так, что мой желудок позабыл о плове от Ани, и звонко потребовал хотя бы чуточку. «Всё же к гастроэнтерологу надо сходить», — думала я, отламывая добрый кусок птицы. Нежные волокна исчезали во рту, не давая языку почувствовать их упругость, а насыщенный сок смягчал гортань, которая напряглась от долгих бесед. В очередной раз укусив куриную ножку, я поняла, что уже обглодала её.

Дядя Валера вытирал руки рекламкой из Магнита, которая размазывала по его ладоням типографскую краску, смешанную с жиром. Мне же дал мокрое полотенце, от вида которого я нахмурилась.

— Дюже ты боишься? Оно водой намочено.

— А вам не надо?

— Дык я уже. — Он показал на пакет с горстью использованных салфеток.

Я сидела довольная, как кошка, которая стащила целую рыбёху. В моменте самой почудилось, что не вытираюсь, а намываюсь рукой.

— Таперича — чай! — торжественно сказал дядя Валера и потянулся за коробкой «Моя цена», когда позади зашуршала кипящая вода.

За сиденьем на небольшом возвышении стояла портативная плитка, как у меня! Она работает от газовых баллонов. На ней-то и кипела вода в большой кружке.

— Дядя Валера, я не хочу злоупотреблять вашим гостеприимством! — Уголки моих губ сползли.

— Ой ли! Слушать не стану! — он заворчал уже как настоящий дед. — Трапезничать надо полно.

Я пробормотала «Ладно» и повернулась в окно. На улице летали бабочки, стрекотали кузнечики, а с правой стороны магистраль напоминала, что меня ждёт родина АвтоВАЗа.

— Дядь Валер, а мы в Тольятти успеем?

— За полчаса доберёмся. Время только начало пятого.

Добродушный старичок ответил не глядя, потому что разливал чай по керамическим кружкам. На каждой была трещина. Вероятно, эта SCANIA частенько колесит по рытвинам. Дымящийся горький чай мы пили под шансон из старой магнитолы. Дядя Валера слушал аудиокассеты! Аудиокассе-

ты. Те, которые можно перематывать карандашом.

— Таперича я выкину мусор, а потом будет развлекательная программа.

Его лукавое подмигивание интриговало, а не пугало. Конечно, курица, чай и дедовское ворчание не показатель добрых намерений, но интуиция... Не было в груди неприятного дребезжания, не кидало в жар. Лишь ровное спокойствие. Да, мать её, это интуиция — верный индикатор риска у женщин.

Он щёлкнул кассетником, нажал кнопку Play и спросил:

— Нравится такая музыка?

Из динамиков раздался голос Михаила Шуфутинского: «Цыганка с картами, дорога дальняя, Дорога дальняя, казённый дом...». Я залилась смехом, как ребёнок, ведь совсем не ожидала подобного развлечения! Это же восторг!

— Если любишь петь, затягивай. Через полчаса будем в Тольятти, — предупредил дядя Валера.

SCANIA зашипела в такт шансонье, развернулась через поле, и мы покинули Валы под любопытные взгляды жителей.

Когда машина выехала на трассу, в кабине звучал разнобойный дуэт: «Тага-а-а-анка, все ночи, полные огня, Тага-а-а-анка, зачем сгубила ты меня, Тага-а-а-анка, я твой бесменный арестант, Погибли юность и талант в твоих стенах...». Я качалась в такт музыке с закрытыми глазами. От воспоминаний по щеке даже скатилась сентиментальная сле-

зинка. Дядя Валера выключил магнитолау.

— Вот Куйбышевское водохранилище. — Он показывал на рукотворный водоём, у берегов которого роилась строительная техника. — Когда-то здесь ой как чудно было, а теперь вечная стройка. Тьфу! Всю природу загубили, ироды!

— Это всё равно бесподобно, дядь Валер! — У меня перехватывало дыхание. — Такой свежий ветер меня обдувал вчера. На мосту через Волгу.

— Но это не Волга. Думаешь, взаправду красиво?

Мы почти пересекли мост и приближались к стеле «Тольятти».

— Некрасивых мест не бывает, ведь красота в глазах смотрящего.

— Значит, я избаловался за двадцать семь лет работы.

Моё сердце затрепыхалось от мысли, что я обидела дядю Валеру, а он, будто услышал:

— Ты не думай, я не обижаюсь. Наверное, шибко утомился.

Он сконцентрировался на дороге и замолчал. Знаете, мой папа тоже всегда был энергичным и весёлым. Тоже постоянно был в пути. До самого конца. Вероятно, он угас задолго до случившегося, но мы были слепы. Пусть дочери хотя бы этого отца заметят угасание внутреннего огня вовремя.

Через несколько минут мы въехали в город, где нас встречали сотрудники ДПС.

— Сейчас будут спрашивать документы. Приготовь пас-

порт. Предупреждаю: они не любят вашего брата.

Документы и деньги были в нагрудной сумке. Я лишь нацепила рюкзак, сидя в кабине, и дожидалась остановки.

Глава 10. Всё как и везде

Едва SCANIA пересекла мост, сотрудники ДПС остановили её. Один из полицейских подошёл к двери со стороны водителя, а второй — с моей. Я обронила вслед дяде Валере «До свидания!», он помахал со словами «Не бойсь!» и скрылся за кабиной.

Вид моста вызывал ужас: под прорехами в асфальте торчали бетонные плиты водохранилища, сквозь дорогу выступали куски арматуры, на которых крепилось дорожное покрытие, а перила пожирала голодная ржавчина. Соединительный слой бетона сыпался, ослабляя кирпичную кладку будки ДПС, и скрипел под кроссовками. Озлобленные полицейские идеально вписывались в мрачную картину.

— Кто такая? Кем приходитесь водителю? Откуда едете?

— Марина Семёнова из Оренбурга. Точнее, в Оренбург из Казани, автостопом, а водитель меня подвёз, — отрапортовала я, покрываясь испариной.

Он подозрительно сощурился, вероятно, возомнив себя таможенником, и оттянул ворот рубашки:

— А в Тольятти с какой целью приехали?

— Проездом. Хочу посмотреть город, полюбоваться водохранилищем, сходить на пляж. — Уголок губы произвольно дёрнулся, а я, предвосхищая дальнейший интерес, продолжила: — Остановлюсь в хостеле Like.

Грохот большегрузов и неравномерный лязг металлических заплаток заглушали бормотание полицейского. Тело атаковала армия мурашек, дыбивших каждый волосок, когда представитель закона сверял взглядом меня с фотографией в паспорте. И лишь ковыль остепенял бунт, вольно танцую с ветром под мостом. Подметив, как я щёлкаю костяшками, сотрудник ухмыльнулся и вернул документы.

— Не хулиганьте, — лениво произнёс он и поднял жезл навстречу очередной машине.

— До свиданья, — кинула я крошачейся будке и убежала.

Рыжая пыль взвивалась столбом на крутой тропинке, оседая на кроссовках и лице. Но уже в зарослях травы около берега, воздух стал влажным. Я закрыла уши и глаза. Запах тины смешался с медовым ароматом цветов, а ветер утопил сознание в сказке, где главные герои блуждают в лесах около таинственных болот; потом побеждают драконов, Бабок-ёжек, Кощеев и получают взамен перо Жар-птицы или царского наследника в партнёры. Реальная жизнь мало отличается от сказки. Разве что урок усваивают не все и позднее сетуют на фатальную несправедливость или бездействие тех, кто всё-таки извлёк пользу из битвы с боссом и получил свой подарок. Но сколько человек знает, каких усилий требует уход за «царской особой»?

Я обернулась и промзона мгновенно вернула меня в суровую явь через нотки жжёной резины от шиномонтажки. Вдобавок ковыльные сугробы таили бетонные обломки, ржавые

штыри и мусор. Однако на отчётном селфи безалаберность рабочих спрячется под белоснежными колосьями! Через пару минут я улыбалась в сторис на фоне Самарской Луки и лютиков, которые робко выглядывали сквозь ковыль.

Мимо прогροхотала легковушка, напомнив о городе и о том, что меня ждут в хостеле. В Дубль ГИСе я узнала, на каком маршруте туда добраться. Тольятти оказался большим городом — ехать с пересадками почти полтора часа. Центр и окраину разграничивала лесополоса размером с деревню, а городские постройки сплочены на сравнительно малой площади. И транспорт, судя по расписанию, здесь ходит редко.

Я убрала смартфон и заметила мужчину, который торопился к жилым домам.

— Пойдите!

Он встал. Чем быстрее я приближалась, тем больше он смурнел.

— Подскажите, пожалуйста, как пройти к остановке «Поликлиника»? Мне надо в центр.

— Там. — Он неопределённо тыкнул пальцем вперёд и быстро ушёл.

— Вот так номер...

Мой язык ощущался, как высыхающая изношенная губка для мытья посуды. Мужчина уже скрылся во дворах. Я проложила маршрут по карте и поплелась. По дороге сняла наличные в банке, купила пластырь в аптеке, а в «Пятёрочке» — воду. Всё как и везде: во дворах — школы, детсады, по-

ликлиники, на карте даже железнодорожная станция значилась. И люди те же.

За углом показалась остановка. На крыше ветхой металлической конструкции, с которой облупились куски голубой краски, висел стенд с надписью «Поликлиника». Я решила спрятаться от солнца внутри, и тут же отпрянула: аммиачно-гнилостный запах занимал всё пространство, смрад удерживала какая-то невидимая граница. Вероятно, снаружи обонятельные рецепторы спасала полынь и амброзия, перемежающиеся с выхлопными газами. Чтобы уберечься от обморока, я выскочила загорать вдоль дороги.

Соцсети в XXI веке — наше всё. Бесконечные видео отвлекали быстро, потом и я записала сторис о дяде Валере, полицейских и маргиналах, которые превратили остановку в туалет. В кадре появилась женщина с девочкой лет пяти. Я обернулась. От увиденного диафрагма начала сжиматься как умирающий паучок: на малышке было платице в алый цветочек, потрескавшиеся сандалики, а на голове пестрел жёлтый бант, который она пыталась снять.

— Ну, купи-и-и-и... — тянула она маму за руку, не жалея голосовых связок.

— Давай сначала дойдём до магазина?

— Ты опять не купишь! — Девочка смешно затопала ножками.

— Доча... — Мягкий голос стихал за углом девятиэтажки.

В детстве я категорически не любила бантики. Снимала

их, выбрасывала, на вопрос мамы о том, где они, отвечала «Там», тыча вдаль. Если же чего-то хотела, то добивалась своего через такие же истерики. Всё-таки несладко быть родителем. Наверное, из-за страха не справиться с материнством я и беру под опеку только котопфеев. А может, элементарно избегаю ответственности? Или успокаиваю себя.

Размышления прервал зеленеющий ЛиАЗ. Аллилуйя! Двери автобуса с шипением раздвинулись. В пустом прохладном салоне пахло новым пластиком и резиной, я без колебаний взялась за сверкающий поручень и рассчиталась у терминала. Свежесть пронизывала каждую клеточку, отчего мурашки завальсировали по обгоревшей коже. Шея обмякла. Я примостилась на жёстком сиденьи и прикрыла глаза. Ритмичный гул едущего автобуса баюкал, но заснуть не дал резкий запах пота, исходящий от моей футболки. Твою налево! Вот издержки автостопа. В рюкзаке лежали такие же вещи. Хостел стал маячком в том мерзко пахнущем дне: администратор говорила, что у них есть стиральная машинка и душ.

Через пару остановок салон заполнился. Все смотрели на меня, кто-то даже усмехнулся себе под нос. «Чего уставились? Да, я грязная и потная. Но я сижу в углу и никого не трогаю! Что вам надо?» — я мысленно крикнула в салон, а в реальности нырнула в соцсети, время от времени поглядывая на карту, чтобы не пропустить транзитную остановку «Горсад».

Пятнадцать минут спустя, из динамиков послышался голос водителя: «Следующая “Горсад”». Я направилась к выходу. Все пассажиры, как один, шипели, что им мешает рюкзак и вообще я могла бы идти аккуратнее, наверное, ещё и не дышать, и не ходить вовсе. В других регионах люди вежливые, внимательные, предлагают помощь, если видят даже просто растерянность. Конечно, встречалось осуждение, но за спиной. А с такой бесцеремонностью я столкнулась впервые. В Тольятти душа волей-неволей становится грешной: завистью и алчностью люди уже больны, а уныние распространяется как последствие. И появляется эта реакция так, будто раскалённая тупая игла неспешно пронзает мышцу, с которой стянули кожу.

Из транспорта я почти вывалилась на чистую остановку в центре города. Рядом манила кофейня. Эх, шлифануть бы настроение любимым американо. Но шальная мысль мгновенно растворилась в амбре от футболки. Я шустро перебежала на другую сторону к близняшке «Горсада». Следующая маршрутка подъехала быстро, но по ухабам прыгала целый час. Возрастные женщины проникали волчьими взорами в меня, а мужчины хмурились исподлобья. Ну да, ну да, не из вашей я стаи, но вид-то одинаковый у всех — россияне. Резерв воодушевления загенерировал при виде молодёжи: им абсолютно индифферентно незнакомое окружение, они упиваются соцсетями, обществом друг друга, придумывают какие-нибудь стартапы, в конце концов. Конечная. На выход.

Горячий воздух, благоухающий булочками из приостановочного киоска, обнимал меня без стеснения. Смутившись, тело раскраснелось и намокло. Охладившись водой, я одёрнула футболку и открыла карту: дорога до хостела пролегла лабиринтом через дворы обыкновенных панелек. Всё как и везде. Я уже говорила об этом, да? Потому что Тольятти — частичка большего. Атом с такой же структурой, как и у других элементов, образующих Россию. Те же запахи подвалов и пекарен, переполненные мусорки и клумбы с петуньями, во дворах — лебеди из старых шин и мягкие игрушки, ушедшие на пенсию.

Я размеренно шла через чужие, но такие родные, дворы, понимая, что скоро отдохну. Плечи болезненно опустились. С каждым шагом глаза застилала солёная пелена. Всё из-за того, что жёсткие лямки рюкзака плохо регулировались и дерзко шныряли по плечам. В результате верхний слой кожи стёрся и щипал, смешиваясь с потом. Однако уже через пять минут я была на месте.

Хостел находился в подъезде жилой многоэтажки. Но наверху зелёным крестом бликовала надпись «Аптека», а чуть ниже была металлическая бордовая дверь. Она отворилась с глухим шумом, приглашая спуститься по бетонной лестнице. На белёных стенах висели распечатанные листы в файлах с надписью «ОФИС». Перешагнув последнюю ступень, я встала на доски, усыпанные шпатлёвкой. Под ними лежали строительные инструменты: о перфоратор, включённый

в сеть, я едва не споткнулась. Тихо. Никого. Справа — крохотный пыльный коридор, в конце которого белела дверь с вывеской Like.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.